КАЗАНСКІЯ ТАЙНЫ

РАЗСКАЗЫ, ОЧЕРКИ И СЦЕНЫ.

СОЧИНЕНІЕ

ВЛАДИМІРА НЕВЕЛЬСКАГО.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ С. ОРЛОВА, НИКИТСКАЯ УЛ., Д. ЧЕРНЕВОЙ.
1867.

Nevel'skii, Vladimir.

КАЗАНСКІЯ ТАЙНЫ.

Kazanskiia tainy

СОЧИНЕНІЕ

ВЛАДИМІРА НЕВЕЛЬСКАГО.

II.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СОДЕРЖАНІЕ

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ С. ОРЛОВА, НИКИТСКАЯ УЛ., Д. ЧЕРНЕВОЙ.

1867.

Дозволено Цензурою. Казань, 19 Ноября 1866 года.

ЧАСТЬ I.

---

1. ПРЕДИСЛОВІЕ.

Описывая „Казанскія тайны“, я, руководствовался нѣкоторыми фактами, полученными отъ разныхъ лицъ, въ разныя времена. — Съ нѣкоторыми же выведенными на сцену лицами былъ знакомъ самъ, проѣздомъ чрезъ Казанскую губернію.—Многихъ изъ нихъ, быть можетъ, уже нѣтъ въ живыхъ, но нѣкоторые и до сихъ поръ существуютъ, а быть можетъ и благоденствуютъ, разъѣзжая по обширнымъ столбовымъ, трясимъ, извилистымъ дорогамъ нашей прихотливой губерніи.—Быть можетъ, многимъ пока-

жется невѣроятными и преувеличенными мои разсказы о бытьѣ и житьѣ героевъ повѣсти;— но за достовѣрность всего сказаннаго здѣсь я ручаюсь, и надѣюсь, что многіе, знающіе захолустья и темные уголки Казани, согласятся со мною.

---

2) Влюбленныя.

Было давно, —очень давно;—было въ то время, когда еще черное озеро было въ полномъ смыслѣ чернымъ озеромъ, когда не было дамбы, и сообщеніе между городомъ и слободой было такъ же затруднительно, какъ сообщеніе между Камчаткой и Амуромъ; когда въ Суконной стояла вѣчная грязь; а въ подлужной, на улицахъ мальчишки ловили окуней и карасей;—въ одной изъ улицъ города стоялъ старинный господскій домъ. Не буду описывать его наружности, а скажу только одно, что онъ какъ величиной, такъ и архитектурой, особенно отличался отъ сосѣднихъ домовъ.—Балконы поддерживались какими-то витыми, выкрашенными красной краской колоннами, самыя колонны обнимались какими-то особеннаго цвѣта и формы перилами, а окна были до того малы, что невольно напоминали тѣ казематы, которыми такъ изобилуетъ Сибирская сторонушка.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, на какой-то праздникъ, — дня неупомню, память притупилась, стала

что-то особенно слаба, послѣ купанія въ Казанкѣ, по совѣту одного изъ медиковъ, лѣчившаго сплошь и рядомъ всѣ болѣзни,—холодной водою Итакъ въ одинъ вечеръ,—все поднялось въ домѣ и забѣгало по какому-то особенному случаю — Прислуга шмыгала взадъ и впередъ, запинаясь за старинные пороги дверей, дворовыя собаки лаяли, видя небывалую суматоху въ домѣ, кошки попрятались въ теплые углы, посматривая съ боязнію на происходившее. Прежде объясненія причины такой безъурядицы, я познакомлю добрыхъ моихъ читателей съ владѣльцами дома и лицами, которыя въ немъ жили въ описываемое время·

Иванъ Ивановичъ Фунтиковъ (такъ фамилія помѣщика) былъ одинъ изъ тѣхъ личностей, какихъ много на Руси.—Родился онъ въ тѣ благодатныя времена, когда ненабивали голову молодежи (по выраженію старухъ) учебниками и разными науками, сбивающими съ толку юношей.

Умѣть читать, подписывать свою фамилію, считать на ассигнаціи, проплясать что нибудь подъ звуки гитары или скрипки, считалось достаточнымъ для молодаго человѣка, выступающаго въ свѣтъ. — Таково было мнѣніе нашихъ дѣдовъ, таково было мнѣніе старины.—За вѣкомъ неугонишься, говорилъ бывало мой дѣдушка, неугнался за вѣкомъ и Фунтиковъ.— Выучилъ онъ наизустъ молитвы двѣ, три, съумѣлъ сосчитать до тысячи, проплясать какой-то ухорской

танецъ;—тѣмъ и покончилось дѣло воспитанія.—Поступивъ на службу 20 лѣтъ, онъ женился на одной хорошенькой брюнеткѣ, взявши въ приданое двѣсти десятинъ земли, мельницу и барской домъ въ Чебоксарскомъ уѣздѣ.—Такъ какъ въ старину особенно недобивались чиновъ, то и Фунтиковъ, прослужа двадцать лѣтъ, вышелъ въ отставку съ чиномъ Титулярнаго Совѣтника, и пряжкою за безпорочную службу. Поссорившись съ роднымъ братомъ за поданное на него прошеніе, слѣдующаго ниже содержанія, онъ захворалъ, что и подало поводъ къ описанной выше суматохѣ.

КОПІЯ СЪ ПРОШЕНІЯ,

поданнаго въ Чебоксарскій Земскій Судъ, Алексѣемъ Ивановымъ Фунтиковымъ.

I

По многократнымъ отъ меня прошеніямъ, въ Чебоксарскій Земскій Судъ, въ битіе мною моихъ мужиковъ и въ обидѣ ими меня, буду на Ѳоминой недѣлѣ во вторникъ допросить.

II

Брагомъ моимъ, Иваномъ Ивановымъ Фунтиковымъ, въ разломаніи дома жены и дочерей, саду и яблоней, вишни, смородины, малины и луку.

Садъ садилъ, своими руками, самъ поливалъ. я трехъ орденовъ кавалеръ, за Ибрагимъ, за Измаилъ, и за отличную храбрость.

Солдатки (свидѣтельницы) Катьки невѣрить.

III.

Стояла кузница подъ горой; въ ней было два ружья,—одно нашлось, другое пропало;—произвесть слѣдствіе.

Да еще со двора моего, пропали дровни, на нихъ была воровская веревка, учинить законно изслѣдованіе. Къ подлинному прошенію Алексѣй Ивановъ Фунтиковъ, руку приложилъ.—Получивъ извѣстіе о прошеніи брата, Иванъ Ивановичъ захворалъ не на шутку;—прежде животомъ, а потомъ и болью въ правомъ боку.

Хотя и поговаривали злые языки будто баринъ захворалъ съ похмѣлья, поѣвши плотно грибовъ и яичницы, но это было не болѣе какъ сплетни, слѣдовательно, нѣтъ нужды и толковать объ этомъ.

Конечно тотчасъ послали за докторомъ, который, пріѣхавши, прописалъ какія-то пилюли, давъ напередъ Ивану Ивановичу рвотнаго.

Рвотное хотя и облегчило желудокъ нашему знакомцу, но пилюли не только испортили все дѣло, но даже продержали Ивана Ивановича въ постели болѣе мѣсяца,—на зло всему семейству и къ особенному

удовольствію доктора, получавшаго исправно за всякій визитъ.

Вотъ почему все суетилось въ домѣ.—Иванъ, ступай запрягать лошадь-то, голосилъ Алексѣй, камердинеръ Ивана Ивановича.

— Да какъ я буду закладывать-то, коли сивки кровь пускали?

— Да развѣ окромя сивки нѣтъ лошадей.

— Есть-то-есть, да сивка-то любимая лошадь барская,—отговаривался Иванъ. — Ты знаешь, что онъ безъ нея ни на шагъ

— Да вѣдь не баринъ поѣдетъ, а ты.

— А нешто я не барской, самъ-отъ? Нешто я могу что противъ смысла барскаго.—Коли онъ любитъ сивку, такъ я и долженъ ее знать; онъ въ послѣдній разъ изволилъ гнѣваться, когда я воронка запрегъ. Сколько было возни распрягать, да сивку закладывать.

— Да вѣдь не баринъ же ѣдетъ, вмѣшалась ключница Василиса, баба бойкая на отвѣты —Коли говорятъ закладывать, такъ закладывать.—Тутъ разсужденія неумѣста, коли баринъ животомъ мучается.—Эвта болѣсть пуще всего

Иванъ и самъ зналъ, что болѣсть эта пуще всего;—но спорилъ потому, что ужъ имѣлъ такой характеръ.—Страхъ любилъ прекословить, — особенно если дѣло шло до лошадей, экипажей и упряжи.—

Мой, дескать, голосъ тутъ пуще всего.—Я въ эвтомъ понимаю лучше всей дворни.—Нашто ужъ пономарь сельской Никифоръ,—кажись первый наѣздникъ, да и тотъ иногда совѣтъ со мной держитъ. — Лошадь-ли смѣнить, продать-ли телѣгу, кровь-ли пустить животинѣ, всегда ко мнѣ. Тѣмъ заканчивалъ всегда рѣчь свою кучеръ, тѣмъ угощалъ всегда онъ дворню, когда шло дѣло о лошадяхъ.

Какъ бы то ни было, баринъ чрезъ мѣсяцъ выздоровѣлъ, и сталъ опять выѣзжать въ поле и къ сосѣдамъ на любимой сивкѣ.

Было дѣло къ масляницѣ, когда жена подарила его дочкой. — Наташа, такъ звали новорожденную, былъ премиленькой ребенокъ.—Каштановые волосы, темно-голубые бархатные глазки, длинныя стрѣльчатыя рѣсницы, все такъ это шло къ ея очаровательному личику, что всѣ сосѣди были въ восторгѣ отъ такого ребенка.

Мать Наташи Вѣра Николаевна, хотя и была тоже воспитана, какъ выражаются люди, на мѣдныя деньги;—однако была женщина съ природнымъ умомъ. Она поняла, что воспитаніе необходимо не только мальчику, но и дѣвушкѣ, почему и приложила все свое стараніе, чтобы воспитать свою ненаглядную дочь.

Наташа съ 7 лѣтъ уже писала довольно отчетливо и правильно, а съ девяти лѣтъ довольно порядочно

играла на рояли, который Вѣра Николаевна нарочно выписала изъ Москвы.

Скоро летѣло время, быстро росла и развивалась Наташа, на радость своихъ родителей на зависть сосѣдокъ и на удивленіе молодыхъ людей,—искателей невѣстъ съ порядочнымъ состояніемъ.

На шестнадцатомъ году Наташа лишилась своей доброй и любящей матери.—Долго горевала по ней Наташа, горько плакала бѣдная дѣвушка, но такъ какъ въ жизни все такъ устроено, что время заглаживаетъ самыя ужасныя раны, а человѣкъ такъ созданъ, что переживаетъ и переноситъ Богъ знаетъ что;—то и Наташа чрезъ годъ уже стала хладнокровнѣе смотрѣть на потерю свою, придерживаясь общей поговорки, что безъ бѣды не проживетъ ни одинъ человѣкъ.

Теперь, на нѣкоторое время, я оставлю героиню своей повѣсти и поведу читателя на Арское поле которое изъ болота превратилось въ обширную площадь, обставленную деревянными и каменными домиками и красивымъ Институтомъ,—этимъ разсадникомъ Казанскихъ невѣстъ.

Тамъ въ одномъ небольшомъ деревянномъ домикѣ, которыми изобилуетъ одностороннка, жилъ молодой артистъ по фамиліи Волжинъ.—Преданный всецѣло театру, онъ съ шестнадцати лѣтъ поступилъ на сцену Казанскаго театра; былъ замѣченъ публикою и отли-

ченъ по своему таланту, директоромъ театра, человѣкомъ понимающимъ сценическое искусство.

Въ описываемое время, у молодаго человѣка, были гости.

— Что Коля, какъ сойдетъ твой бенефисъ, спрашивалъ Волжина товарищъ его Клюшкинъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ съ рѣденькими волосами.

— Богъ милостивъ, можетъ быть и выручитъ.— За себя ручаюсь, на прочихъ надѣюсь.

— Такъ-то такъ, отвѣчалъ Клюшкинъ, но дѣло-то въ томъ, что Ревизоръ уже шелъ два мѣсяца назадъ.

— Ничего, это такая пьеса, на которую всегда найдутся охотники глядѣть

— Положимъ такъ, — но у тебя роль еще невыписана и у меня тоже.

— Это все пустяки, свою я знаю почти наизустъ, а твоего Бобчинскаго завтра тебѣ выпишутъ.

— А вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, Клюшкинъ по себѣ выбралъ роль, отозвался третій артистъ въ пиджакѣ.— Онъ и шепеляетъ, да и зубъ-то у него со свистомъ — Собесѣдники разсмѣялись.

— Ахъ! если бы бенефисъ удался, началъ снова Коля.—я бы сшилъ себѣ бархатный русской костюмъ, обшилъ бы его шаншели. — Я ужасно люблю національный костюмъ. Послѣ чего Коля вздохнулъ.

— Знаю, дружище, по комъ ты вздыхаешь, знаю, къ чему тебѣ костюмъ.

— Ты очень хорошо знаешь, что онъ къ тебѣ особенно идетъ.

— Когда въ послѣдній разъ ты выходилъ въ немъ на сцену, то заслужилъ не только общій аплодисменъ, но даже особенное вниманіе очаровательной особы, сидѣвшей въ литерной ложѣ.

Коля покраснѣлъ; видно, что Клюшкинъ попалъ не въ бровь а въ глазъ.—Ну, признайся, продолжалъ, вѣдь ты влюбленъ въ эту особу, которая сидѣла въ ложѣ?

— Да, она очень хорошенькая, отвѣчалъ Коля; ее нельзя незамѣтить. Такія разительныя черты невольно бросаются на глаза.—Я случайно узналъ ея фамилію.—Она дочь одного чиновника, имѣютъ землю и домъ.

— А что, если бы судьба свела васъ?

— О, тогда я былъ бы счастливъ, отвѣчалъ Коля.—Впрочемъ, кто пойдетъ за провинціальнаго артиста, у котораго нѣтъ гроша въ карманѣ.—Ты видишь, какъ публика смотритъ на наше ремесло.

Незамѣтно подошло Воскресенье, — день бенефиса Коли. Погода съ утра стояла отличная, что не мало способствовало къ разбору билетовъ,—такъ что къ началу спектакля всѣ мѣста были заняты, исключая трехъ, четырехъ мѣстъ за креслами.

Сильно билось сердце Коли, когда осталось полчаса до начала спектакля когда онъ въ скважину занавѣса увидалъ свою разительную Наташу, сидящую опять въ литерной ложѣ. Быть можетъ, не менѣе билось сердце и у юной красавицы.—Но, какъ бы то ни было, занавѣсъ поднятъ. Коля въ роли Хлестакова былъ весьма хорошъ, пьеса всецѣло шла довольно порядочно, актеры выполняли роли добросовѣстно, исключая Клюшкина, который, во время паденія, дѣйствительно расшибъ себѣ носъ и вывихнулъ палецъ, почему и пробылъ на полу сцены минуты двѣ лишнихъ, чѣмъ возбудилъ неистовый смѣхъ публики.

Слѣдующій за тѣмъ водевиль прошелъ тоже довольно хорошо, и счастливый Коля, цѣлуя по очереди актеровъ, просилъ ихъ всѣхъ къ себѣ роспить одну, другую, бутылку добраго вина за успѣхъ вечера.

— Извини, Коля, говорилъ Клюшкинъ, наливая рюмку водки, что я упалъ такъ неловко;—я ей Богу невиноватъ, проклятый каблукъ зацѣпилъ и испортилъ все дѣло

— Что же дѣлать, отвѣчалъ Коля, ты ненарочно сдѣлалъ это.

— Ну, братецъ Волжинъ,—какъ тебя лорнировала эта красавица литерная,—просто неспускала глазъ,—пробасилъ актеръ игравшій роль Городничаго. — Я знаю домъ, въ который она вхожа, я тамъ иногда бываю.

— Ахъ сдѣлай милость, познакомь меня съ этимъ домомъ, добрый Николаевъ, ты этимъ несказанно одолжишь меня.

— Почему же и не такъ, любезный мой, хоть завтра, такъ поѣдемъ только ты не растай тамъ, а то некому будетъ выполнять твои роли. Или душу неоставь тамъ свою, а то плохо будетъ;—что ужъ за актеръ безъ души.

Сказано, сдѣлано; на другой день Николаевъ познакомилъ Волжина съ семействомъ Александра Николаевича Бурдукова, съ домомъ, гдѣ нерѣдко можно встрѣчаться съ хорошенькой Наташей

Прошло полгода времени, съ тѣхъ поръ, какъ Волжинъ познакомился съ семействомъ Бурдукова, часто бѣгалъ онъ туда, не разбирая никакой погоды, часто ѣздила туда и очаровательная Наташа.

Многое измѣнилось въ домѣ у Наташи.—Послѣдній ея другъ, послѣдняя подпора ея, нѣжный отецъ ея былъ боленъ, неизлѣчимою болѣзнію, продолжительною, ужасною.—Домъ и земля были описаны и проданы съ аукціона, и бѣдная Наташа должна бы была жить подъ открытымъ небомъ, если бы непріютила ее къ себѣ родственница ея матери.

Часто навѣщала въ клиникѣ своего отца Наташа, часто ходила и къ Бурдуковымъ.

Въ одинъ день, когда солнце, прощаясь съ землей,

обняло ее своими заходящими лучами, Наташа и Волжинъ были въ саду.

— Не простудитесь въ саду; — пятой разъ упрашивала ихъ добрая Бурдукова, время сырое; — недолго горячку схватить;—незнала Бурдукова, что они уже были охвачены такой неизлѣчимой горячкой, что никакая аптека въ мірѣ не въ состояніи принести имъ какую нибудь пользу.—Однимъ словомъ, они были влюблены, и счастливы до того, что незамѣтили и заката солнца.

Было темно, когда Волжинъ въ первый разъ прикоснулся къ губамъ Наташи.—Что чувствовалъ тогда Волжинъ?—Богъ знаетъ.

Странное дѣло! Положимъ, любовь можетъ восхитить человѣка; отнять разсудокъ на время; — отнять сонъ;—но отнять аппетитъ; — невѣроятно... Между тѣмъ, какъ Волжинъ, такъ и Наташа, несмотря на пяти-часовой маціонъ въ саду, ни до чего не дотрогивались за ужиномъ, несмотря на упрашиваніе доброй хозяйки.

Впрочемъ бываютъ разные темпераменты.—Я зналъ одного отставнаго прапорщика на третьей горѣ, который послѣ свиданія съ своей ненаглядной (по его выраженію) до того объѣдался рѣпой, что на другой день всегда лѣчился огуречнымъ разсоломъ. Не буду описывать о поцѣлуяхъ, которыми награждала Волжина Наташа, имъ счета не было, не буду говорить

о свиданіяхъ, за ними тоже не услѣдишь, а скажу только, что Наташа изъ мамзель Фунтиковой преобразилась въ мадамъ Волжину.

Быстро проносились дни медоваго мѣсяца; незамѣтно угасалъ въ Клиникѣ бѣдный Наташинъ отецъ.

3) Признаніе старухи.

Позвольте на время оставить выведенныхъ на сцену лицъ, и повести васъ въ Татарскую слободу.—Тамъ, въ одномъ переулкѣ, гдѣ стоитъ тоже почти непроходимая грязь и лужи, гдѣ нѣтъ ни тротуаровъ, ни досокъ для сообщенія,—тамъ въ маленькой избушкѣ, жила старушка, лѣтъ шестидесяти.—Лишившись мужа, она посвятила себя Богу: каждую обѣдню, вечерню всеношную, или заутреню. ее всегда можно было встрѣтить въ одной изъ церквей слободы.

Перебиваясь кое-какъ, съ помощію добрыхъ людей, старушка жила болѣе нежели бѣдно. За то, по честности своей и уживчивости съ сосѣдями, заслужила отъ всѣхъ званіе доброй тетушки. Поняньчиться ли съ малюткой, сейчасъ за Анной Ивановной (такъ звали старушку); приготовить ли утюжекъ;—сходить ли на рынокъ,—къ ней же.

— Матушка, у меня ребенокъ что-то захворалъ; нельзя ли, родная, сходить въ лавочку или аптекчу за

шалфейцемъ, проситъ сосѣдка,—и плетется по грязи услужливая старушка, не разбирая грязи.

— Родная ты моя, ко мнѣ сынокъ изъ училища пришелъ; нѣтъ ли водицы горячей въ чайничкѣ; чайкомъ бы попоить его, вѣдь въ училищѣ-то не дадутъ, и разводитъ огонекъ Анна Ивановна, и ставитъ мѣдный чайничекъ, чтобы напоить чайкомъ сосѣдкина сына.

Однимъ словомъ, старушка была одна изъ тѣхъ добрыхъ существъ, которыя въ наше время за рѣдкость.—Поговаривали сосѣди, что она когда-то, быть можетъ, лѣтъ тридцать назадъ, была очень богата, но что пожаръ, нѣсколько разъ свирѣпствовавшій въ Казани, унесъ навѣчно все ея достояніе.—По чертамъ лица старухи было замѣтно, что она съ-молоду была очень недурна собою, а по манерамъ, неясному сохранившемуся голосу, замѣтно, что по воспитанію она была не изъ послѣднихъ невѣстъ своего времени.

Болтать съ сосѣдками о своемъ происхожденіи она считала лишнимъ; а говорить о бывшемъ состояніи почитала грѣхомъ.—Что толковать о томъ, что Богъ отнялъ.—Видно, такъ угодно Его Святой волѣ.—Разъ какъ-то, пришедши изъ церкви на Страстной недѣлѣ,—старушка почувствовала себя не совсѣмъ здоровою; а на другой день слегла въ постель, къ прискорбію всѣхъ ея знакомыхъ.

— Что съ тобой, матушка Анна Ивановна? спра-

шивала одна —Не надо ли чего? голосила другая — Непоставить ли самоварчикъ, я у сосѣда и сахарку выпрошу, упрашивала старушку третья. На всѣ предложенія, добрая старушка отвѣчала одно: спасибо, родныя, заботьтесь о себѣ, вы сами люди небогатые, а мнѣ старушкѣ ничего ненадо. — Видно, смерть моя подходитъ.

Какъ только звонкій колоколъ Соборной церкви возвѣстилъ Православнымъ о началѣ Великой Заутрени, старухѣ стало до того нехорошо, что всѣ сосѣдки одногласно рѣшили послать за священникомъ.

Священникъ пришелъ, старушка исповѣдалась и причастилась Святыхъ Таинъ; послѣ чего громогласно высказала то, что скрывала всю жизнь на душѣ своей.

Теперь разскажу то, что должны нѣкоторые знать, уже послѣ моей смерти. — И старушка высказала страшную исторію.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Слушайте, добрые люди, то, о чемъ я хочу говорить съ вами —Родилась я въ Нижегородской губерніи, отецъ мой былъ первоначально писцомъ въ одной Палатѣ, потомъ столоначальникомъ, а подъ конецъ Председателемъ.—Жили мы богато, имѣли свой

домъ въ городѣ и деревню въ семидесяти верстахъ отъ Нижняго Новгорода.—Но такъ какъ отецъ мой жилъ по старинному,—роскошно, то... тутъ старуха закашлялась и замолчала.—Всѣ присутствующіе съ нетерпѣніемъ ожидали развязки, — боясь пророкить слово старушки.—Тишина была повсемѣстная.

Марфа. Матушки мои!—не умерла-ли сердешная? Смотрите родные и глаза закрыла.

Ивановна. Не шуми! дышитъ.

Лаврентьевна. Опомнится,—не отходитъ еще.

Палагея. Эхъ кабы отошла болѣсть.—Хоть бы послушать;—ужъ больно занятное стала говорить сердечная.

Ивановна (Лаврентьевой). Что? Вѣдь я тѣ сказывала, что она янаральскаго происхожденья —А ты твердила свое;—нѣтъ-да-нѣтъ.

Лаврентьевна. Вѣдь я почемъ знаю? — мое дѣло женско,—я тутъ сторона.

Ивановна. Ишь ты родитель-то-ей ней какимъ-то предсѣдательствующимъ былъ по губерніи.—А вѣдь эвто янаралъ.

Лаврентьевна. Чево ты напала на меня-то? Христосъ съ тобой.—Я съ-проста по своему темному разуму судила.—Мысль на мысль неприходится. — Почемъ я знаю, какимъ она чиномъ пожалована была.— Вѣдь у насъ въ Рассеи-то чиновъ не оберешь, а чиновниковъ и поготово.—Я въ эвтомъ не причинная,

съ виду то она така махонька, и по облику-то не догадаешься, што янаральскаго рода.

Палагея. И! мать моя;—по облику-то трудно распознать; я видала одного чиновнаго, такъ подъ мышку тебѣ подойдетъ, а густы палеты носитъ, кажись полковникъ, супротивъ Бога никто ничево неподѣлаетъ

Лаврентьевна. Конечно, супротивъ Бога никто не воленъ.

Между тѣмъ старушка пришла въ себя и открыла глаза.—Дайте воды, сказала она;—на чемъ бишь..... я.... остановилась?

Лаврентьевна. На янаралѣ?

Палагея. Ты, мать моя, остановилась, што тятенька твой, царство ему небесное, былъ предсѣдателемъ. Старушка вспомнила и продолжала: Итакъ отецъ мой жилъ богато.—Я была единственною дочерью.—Любили меня до безумія... слезы брызнули изъ глазъ умирающей и она опять замолчала — и повидимому погрузилась въ сонъ.

Лаврентьевна (тихо). Ишь ты какъ? одна была. нѣтъ-ли у ней денегъ

Палагея. Видно, есть, коли отъ богатства. — Ишь тятенька-то капиталъ имѣлъ.

Марфа. Можетъ, въ сундукѣ что есть.

Лаврентьевна. Диковинное дѣло,—капиталъ имѣетъ. а жила, прости Господи, хуже нашего брата.

Ивановна. Можетъ, зарыто гдѣ; и то случается. — я знавала одного купца, такой скряга былъ, упаси Боже, въ самую што ни на есть худую погоду пѣшкомъ идетъ, а лошадей имѣлъ. — Многіе говорили, будто лошади и фатера большая ему нужна такъ для вида, потому господа знатные жаловали. — Кафтанъ на немъ, вынести на толчекъ, право два цѣлковыхъ напросишься.—Ну и говорили сторонніе, што капиталъ подорвался. — Какой-то молодецъ дочь сватать сталъ;—такъ больше десяти тысячъ не давалъ;—значитъ на сигнаціи;—а какъ умеръ, родименьки, нивѣсть сколько капиталу осталось и въ сундукахъ-то и въ ящикахъ-то и по карманамъ-то. Даже въ ватномъ архалукѣ пять сотъ было зашито. — Ей Богу правда.—Какъ стали считать-то;—и вышло на повѣрку-то, што двѣсти пятьдесятъ тысячъ имѣлъ,—а серебра-то-а серебра-то видимо невидимо.—Такъ въ сундукахъ и хранилось. Ужасти! — Однихъ бокаловъ двѣ дюжины, и все какъ есть серебряные съ позолотою. Часовъ карманныхъ подитко семь-ли, восемь-ли. Ей Богу, правда!—А умеръ, ни чово не взялъ съ собой, все прахомъ сдѣлалось.

Ивановна замолчала и обратила свое вниманіе на старушку.

Лаврентьевна. Посидите, матушки мои, а я схожу домой, на минутку, картофель ставила въ печь, такъ посмотрѣть, что не подгорѣлъ-ли.

Ивановна. Я посижу, родная, не дамъ отойти ей безъ себя.

Палагея. И я схожу,—пожалуй самъ пришелъ, жрать захочетъ, прости Господи. Вѣдь не жрамши пошелъ со двора Обругаетъ всячески. — Намеднись таку вымолотку задалъ, что упаси Господи.—Ты така разсяка, только бѣгаешь къ сосѣдямъ. — А я куда бѣгала-то. Всяво на всяво и сходила только къ Акулинѣ Савишни, къ Максимъ Потапычу, да Лукерьи Савельевой.

Нельзя-же и нашей сестрѣ безъ добрыхъ людей.

Между тѣмъ слухъ, что у старушки нашелся капиталъ быстро разнесся между тремя, четырьмя домиками, куда успѣли сбѣгать Лаврентьевна и Палагея,—такъ что старуха не успѣла еще открыть глаза, какъ комнатка, гдѣ она лежала, была биткомъ набита народомъ.

Несмотря на это, тишина была повсемѣстная. — Всѣ глядѣли на отходящую старуху, всѣ смотрѣли на бывшую предсѣдательшу съ капиталомъ, каменнымъ домомъ и землею. — А пьяный Максимъ уже опредѣлилъ, гдѣ долженъ находиться капиталъ.—Непремѣнно въ подушкахъ, и вонъ въ томъ, темномъ капотикѣ, что въ изголовьяхъ, безпремѣнно тамъ говорилъ онъ тихо присутствующимъ.

Какое магическое слово генералъ, какое магическое, одуряющее человѣка слово: капиталъ? Невыска-

зывай умирающая старуха, что у нея на душѣ. толпа непремѣнно бы разошлась, развѣ кромѣ какой нибудь Лукерьи, которой дѣлать нечего и которой гдѣ бы ни сидѣть все равно. Но алчность къ новостямъ удержала толпу.

Невыскажи старушка, что она предсѣдательша, толпа голосила бы при ней безъ зазрѣнія совѣсти — Одна подавала-бы совѣтъ, пустить ей кровь. другая привязать къ ногамъ лепешки, третья, быть можетъ уподчивала бы старуху насильно бузиной.—Но слово генеральша, остановило общій порывъ толпы, а мнимый капиталъ старухи окончательно сбилъ столку любопытныхъ.

Всѣ со вниманіемъ слѣдили за умирающей — Наконецъ, она открыла глаза.

Ивановна, Лаврентьевна и Пелагея (въ голосъ). Сударыня ты наша, не облегчилась-ли твоя болѣсть, не надо-ли чево? Не подать-ли испить чайку? сей часъ-бы поставили.

Старуха отвѣтила, что ей ничего ненадо и просила слушать продолженіе разсказа. — На чемъ, бишь, я остановилась?

Что капиталъ былъ у твоего тятеньки, подхватила Ивановна.

Неправда, перебила ее Лаврентьевна; ты золотая объ тятенькѣ своемъ начала, что ужъ больно тебя любилъ родную.

Итакъ я была единственною дочерью у отца и матери.—Любили меня такъ, что жертвовали всѣмъ для меня; я была единственнымъ ихъ утѣшеніемъ.

Когда мнѣ минуло четырнадцать лѣтъ, я потеряла отца своего.

Имѣніе наше описали и продали за долги.—Унасъ съ матушкой остался только домъ, кое-какія деньжонки и нѣкоторыя цѣнныя вещи.

Жить мы продолжали довольно открыто, то есть, богато, почему я и считалась небѣдной невѣстой.

Мать моя и я, непривыкшія отказывать себѣ въ своихъ прихотяхъ, докончили раззореніе имущества и когда мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ, у насъ ничего неосталось.—Тутъ старуха снова заплакала и закрыла глаза.

П а л а г е я.—Вотъ каково нехранить копѣйку-то на чорный день, вотъ за то слезы да слезы, да нищета голая—Ай!—ай! ай! Можетъ статься, дѣдушка ей-ней копилъ всю жизнь свою, нежалѣючи ни здоровья, ни рукъ, а добрая внучка и спустила.

И в а н о в н а (крестясь). Согрѣшили мы грѣшныя.

Л а в р е н т ь е в н а.—Пойду-кась я, какъ хуже станетъ, такъ пришлите, родныя, хочется побыть.

И в а н ъ (за дворника). Чаво тутъ глазѣть-то, пойти въ полицію, объяснить что отходитъ, да и все тутъ.—Чтобъ опосля чаво не было. А вѣдь што ни говори старуха-та добрая была, такая услужливая, сама бы-

вало все дѣлала, да еще подъ часъ и нашему брату помогала.

Лаврентьевна.—Добрая была, жаль, да помочь нечѣмъ.

Старуха снова открыла глаза и продолжала: семнадцати лѣтъ я познакомилась съ однимъ молодымъ человѣкомъ; фамилія его . . . тутъ старуха закашляла; видно, что трудно было вспоминать былое. Грѣшница предъ Господомъ Богомъ, продолжала она, — я полюбила его всей своей душой и согласилась на его просьбу.—Чрезъ годъ у насъ былъ сынъ.

Имя дали Николай

Тутъ опять старуха впала въ безпамятство.

Наконецъ жалость напала и на окружающую толпу.—Многія тихо плакали, утирая слезы, кто рукавомъ, кто передникомъ, а кто и концемъ платья.

Ивановна.—Ишь голубушка какъ ей тяжело.—Вѣдь изъ такого богатства да въ нищету, ой, ой горько.

Лаврентьевна. Вѣстимо тяжело.

Палагея. Немогу глазъ продрать, такъ и льются слезы для эвдакова праздника. — Пойду-ка помолюсь за нее въ храмѣ Божіемъ; а вы постойте здѣсь.—Господи, согрѣшили мы грѣшныя предъ Тобою.—Видно, святая душа, что въ такой день отходитъ.

По уходѣ Палагеи, старуха снова продолжала:

Я любила своего сына, любила такъ, что, мнѣ кажется, больше и любить невозможно.—Я сама нянь-

чила его на своихъ рукахъ, чесала, умывала. Коля для меня было единственное сокровище, которое связывало меня съ жизнію. — На шестнадцатомъ году своей жизни, Коля влюбился въ одну провинціальную актрису и, оставивши меня, уѣхалъ въ какой-то городъ, а въ какой, одинъ Богъ знаетъ.—Раза три получала я отъ него извѣстіе и деньги, а также обѣщаніе пріѣхать.

Но вотъ уже прошло болѣе трехъ лѣтъ, какъ объ немъ ни слуху, ни духу.

Тутъ старуха снова заплакала и закрыла глаза.

Всѣ присутствующіе плакали и жалѣли старуху, такъ много пострадавшую въ жизни.

Нѣтъ-ли чѣмъ промочить горло, спросила больная

Толпа тотчасъ зашевелилась, каждый хотѣлъ прислужиться страдалицѣ.

Лаврентьевна. Я матушка сей-часъ чайку засыплю.

Ивановна. Ты супцу съ курицей не хочешь-ли? Я сегодня для праздничка супъ наставила.

Палагея. А у меня куличекъ есть; коли въ охотку, такъ принесу, родная моя —Куличекъ таже просвирка, священная. Можетъ, и облегченье съ нея будетъ.

Старуха (открывъ глаза). Нѣтъ, мнѣ не выздоровѣть,—это я чувствую. Дайте мнѣ, пожалуйста, чашечку чаю. и просвирки кусочекъ, а хотѣлось бы грѣшной пособороваться.—Кажется, въ сундукѣ есть

целковой, такъ послать бы за священникомъ. — Охъ, стонала старуха.... видно, что ей сдѣлалось труднѣе.

Какой-то дѣтина, стоявшій безмолвно во все время разсказа старухи, выступилъ впередъ.—Я пойду, сударыня, къ священнику, коли угодно... Старуха въ знакъ согласія кивнула парню головой,—и тотъ, перекрестясь трижды на икону,—вышелъ.

Старуха съ усиліемъ продолжала: родныя мои; — если когда нибудь услышите фамилію Волжинъ и имя его будетъ Николай; то скажите ему, что мать его умирая, посылаетъ ему свое родительское благословеніе.—Такъ кончила повѣствованіе свое добрая старушка и снова закрыла глаза.

Вскорѣ явился священникъ и соборованіе началось.—Подъ конецъ, когда священникъ далъ ей цѣлованіе креста, старушка слабымъ голосомъ проговорила, прощайте, друзья, я умираю и испустила духъ, оставивъ сильное впечатлѣніе на душахъ добрыхъ присутствующихъ.—Такъ окончила свое существованіе мать нашего героя выведеннаго въ первой главѣ.

4. Открытіе.

Ничего не зналъ Коля, расхаживая по комнатѣ съ своей молодой супругой.—Ничего не знала и Наташа, обхваченная любовью.

Наташа, ты молода, хороша собой,— а главное у тебя проглядываетъ талантъ. Поступи въ артистки, шепталъ ей на ухо Коля.—Право, ты не будешь раскаяваться.

Ты знаешь, что я тебѣ ни въ чемъ непрекословлю.—Если ты дѣйствительно почитаешь меня способною быть на сценѣ,—то распоряжайся мною, какъ хочешь.

Спустя три дня, когда Коля съ молодой своеѝ женой шелъ по арскому, на встрѣчу имъ тянулось погребальное шествіе.—Множество старухъ провожали покойницу, неся поперемѣнно некрашеный гробъ.

— Что это такое за шествіе, спрашивала Наташа Колю.—Смотри, пожалуйста, простой какой гробъ, а сколько провожающихъ.—Я подобное встрѣчаю первый разъ въ жизни.—А вотъ я сей-часъ узнаю, отвѣчалъ Коля, и приблизился къ толпѣ провожавшихъ гробъ.

Коля (обращаясь къ Пелагеѣ). Кого это хоронятъ, моя милая?

— Одну янаральшу, отвѣчала та.

— Какъ ея фамилія, спросилъ снова Коля.

— Фамилью-то запамятовала батюшка.

Ивановна. По фамильи-то Волжина, батюшка;—она изъ хорошей фамильи, продолжала словоохотливая баба,—умерла сердечная въ нищетѣ, на нашихъ ру-

кахъ.—Родомъ она Нижегородская, ей-ней тятенька предвсегдателемъ былъ.

Коля какъ вкопанный слушалъ слова старухи. — Боже мой, думалъ онъ, неужели это она, — неужели это мать моя, и слезы градомъ потекли изъ глазъ молодаго человѣка.

Обтерѣвъ наскоро слезы, онъ возвратился къ женѣ своей, шедшей въ сторонѣ, неподалеку отъ печальнаго шествія.—Что съ тобой? съ ужасомъ спрашивала его жена.—Ты блѣденъ, на тебѣ лица нѣтъ.

— Ничего, отвѣчалъ Николай.—Не безпокойся, это пройдетъ.—Послѣ минутнаго молчанія онъ просилъ Наташу пройдти съ нимъ до кладбищенской церкви.

Во все время дороги Наташа неспускала глазъ съ своего ненагляднаго мужа.—Она никакъ немогла постичь причины такой въ немъ перемѣны. Что-то непонятное грустное для нея самой давило ей грудь.— Она и сама готова была бы заплакать, но боялась огорчить тѣмъ своего мужа,—друга, котораго она любила болѣе своей жизни, и которому пожертвовала собой до гроба.

— Но скажи же, наконецъ, мой другъ, приставала она къ нему; что за причина, что ты вдругъ такъ опечалился.

— Есть предчувствіе, другъ мой, отвѣчалъ Коля.— Странное стеченіе обстоятельствъ, и Коля объяснилъ ей разговоръ со старухами.

— Такъ что же, проводимъ ее, и если это окажется на самомъ дѣлѣ правда, то отслужимъ панихиду по твоей доброй матери.

Все же не могу себѣ представить, какимъ образомъ она проживала въ Казани, когда она не здѣшней губерніи и Коля задумался.—О чемъ думалъ онъ, Богъ одинъ знаетъ.—Какой-то таинственный голосъ шепталъ ему. — Иди за гробомъ въ немъ лежитъ мать твоя, которая любила тебя нѣжно, крѣпко, и которая умерла на чужихъ рукахъ. — Когда процессія дошла до кладбищенской церкви, Николай приказалъ носильщикамъ внести гробъ во внутрь церкви и поставить на средину.—Позвали священника; открыли покрывало, которымъ было закрыто лице покойницы и въ которой Коля узналъ свою добрую мать.

Громко зарыдалъ молодой человѣкъ, отдавая прощальные поцѣлуи той, которая такъ его любила.

Бѣдная Наташа тоже плакала, упрашивая мужа поберечь себя для нея.—Но глухъ и нѣмъ былъ Коля къ словамъ своей жены.

Когда панихида шла къ концу, Коля какъ изступленный бросился къ гробу и такъ сжалъ голову старухи руками, что еле-еле могли оторвать его.

Когда гробъ вынесли изъ церкви, чтобы предать тѣло землѣ; Коля самъ понесъ покойницу.

Боже мой, стоналъ Коля, возвращаясь домой, думалъ-ли я другъ мой (обращался онъ къ женѣ), что мнѣ придется быть на похоронахъ своей матери.

Мнѣ душно въ Казани послѣ всего видѣннаго.— Уѣдемъ отсюда Наташа,—упрашивалъ онъ,—уѣдемъ, свѣтъ не клиномъ сошелся. Уѣдемъ въ Москву; быть можетъ, я и тамъ могу поступить на сцену, быть можетъ и тамъ улыбнется мнѣ счастіе.—

Чрезъ недѣлю Коля съ своей женой уѣхали въ Москву.—

Въ Москвѣ Колѣ дѣйствительно улыбнулось счастіе: онъ былъ принятъ въ число артистовъ.—

5. Выходъ на сцену.

Прошло болѣе года, какъ наша молодая чета жила въ Москвѣ —Волжинъ игралъ на сценѣ, жена его вникала въ игру знаменитыхъ артистовъ;—и наконецъ сама рѣшилась посвятить себя сценѣ.—Директоръ театра, замѣтивъ въ Наташѣ талантъ, рѣшился наконецъ допустить ее съиграть роль Офеліи (изъ Гамлета) по болѣзни актрисы, занимавшей эту роль.

Нѣсколько разъ дѣлала домашнія репетиціи Наташа,— и всякой разъ оставалась недовольною, несмотря на похвальбу своего милаго мужа.

Ты меня любишь, потому и хвалишь, говорила она.— Страшно мнѣ выходить на сцену:—очень страшно.

Наконецъ наступила генеральная репетиція —Глаза всѣхъ актеровъ обратились на Наташу, выступающую въ первый разъ на сцену, и занявшую подобную трудную роль.

Когда началась репетиція, пріѣхалъ директоръ.

Наташа въ первомъ дѣйствіи выполнила роль довольно удачно: подъ конецъ же, такъ играла очаровательно, что директоръ немогъ удержать своего восторга и апплодировалъ молодой артисткѣ.

У васъ талантъ, обратился онъ къ ней, когда репетиція кончилась, вы граціозны и хороши собой, слѣдовательно будете имѣть успѣхъ.—Поздравляю васъ.

Какъ ни было весело Наташи, но послѣ словъ директора она задумалась.

Я хороша, думала она про себя, слѣдовательно буду имѣть успѣхъ; какъ понять эти слова и она обратилась къ мужу, чтобы онъ растолковалъ ей значеніе этихъ непонятныхъ для нея словъ.

Тутъ обижаться нечѣмъ, отвѣчалъ Коля, директоръ правъ, онъ высказалъ правду —Если-бы ты видѣла, какъ хороша была ты на сценѣ;—я не разъ хотѣлъ броситься къ тебѣ, чтобы расцѣловать, но нельзя было,—до такой степени ты была обворожительна

Наступило воскресенье. день спектакля. Погода была отличная, сборъ хорошій.

Когда Наташа вышла на сцену: публика встрѣтила ее такимъ громкимъ аплодисменомъ, что директоръ пришелъ въ неописанный восторгъ.

Она будетъ отличная артистка, говорилъ онъ сосѣду своему, какому-то полному генералу

Да—отвѣчалъ тотъ; она будетъ имѣть успѣхъ, тѣмъ болѣе, что она прехорошенькая.—Откуда она взялась, спросилъ генералъ.

Пріѣхала съ мужемъ изъ Казани, который тоже артистъ.

Недурна! недурна! прехорошенькая замѣтилъ снова генералъ, устремивъ глаза на сцену.

Второй аплодисменъ полученный Наташей, привлекъ и расположилъ къ ней публику окончательно.

Послѣ спуска занавѣса, она была вызвана три раза.

— Какая прехорошенькая эта Волжина, говорили офицеры, толпясь около театральнаго буфета. — Вотъ если-бъ эдакую подцѣпить;—роскошь просто барынька-то.—Какая талія, какой ростъ, манеры. — Однимъ словомъ, очарованье.

— Да не худо бы, отвѣчалъ одинъ изъ толпы; — тутъ и тысячи бы непожалѣлъ;—а что вѣдь я думаю можно; приволокнуться развѣ? Впрочемъ ты на эти дѣла мастеръ, замѣтилъ ему его товарищъ въ густыхъ эполетахъ —Ты порядочный сердцеѣдъ, попробуй, можетъ и того?

— А что ты думаешь? не попробую? — Ей Богу

приволокнусь. — И корнетъ, закрутивъ себѣ усы, — пошелъ за сцену.

— Bonjour medames, bonjour medemoiselles говорилъ онъ, обходя актрисъ и кланяясь. — Здравствуй, дружище, обратился онъ къ одному изъ актеровъ низенькому сухопарому господину съ очками на носу.

— Скажи, пожалуйста, кто эта такая, Волжина, которая сегодня въ роли Офеліи.

— Она пріѣзжая, отвѣчалъ господинъ въ очкахъ.

— Не правда-ли, она очаровательна, продолжалъ волокита,—если можно отрекомендуй меня ей.

— Изволь, отвѣчалъ артистъ;—только едва-ли она сегодня замѣтитъ тебя;—она въ первый разъ выступила на сцену и потому неразговорчива.—Очень труситъ.—Артистъ подвелъ полковника къ Волжиной. и отрекомендовавъ, прибавилъ, что, восхищенный до нельзя вашей игрой, полковникъ Х—въ пришелъ изъявить вамъ лично какъ свое удивленіе къ вашей игрѣ, такъ и передать отголосокъ публики.

Наташа поблагодарила сочувствующаго къ ея игрѣ полковника и отошла въ сторону, не подаривши его ни однимъ лишнимъ словомъ.

Послѣ спектакля аплодисменамъ не было конца. Наташу забросали букетами и вызвали нѣсколько разъ.

— Ну моя милая! дорогая! ненаглядная моя, — шепталъ Коля Наташи, когда они пріѣхали домой.— Ты геніальная артистка, ты восхитила всю публику.—

Боже мой! какъ я счастливъ, кричалъ онъ внѣ себя, цѣлуя Наташины руки —Я долженъ гордиться тобою, я долженъ обожать тебя, мой Ангелъ. — Боже мой! какъ я счастливъ и онъ зарыдалъ такъ громко, что Наташа испугалась не на шутку. — Успокойся, мой другъ, упрашивала она, между тѣмъ какъ и сама невытерпѣвъ заплакала.

Когда экстазъ прошелъ и влюбленные пришли въ себя;—Наташа обратилась къ мужу съ вопросомъ:

— Какъ ты думаешь, другъ мой, какое мнѣ положитъ жалованье дирекція? Незнаю, какъ тебѣ сказать, отвѣчалъ Коля, вѣроятно хорошее, потому что публика осталась совершенно довольною. — Впрочемъ, съѣзди къ директору и спроси его.

— Да хорошо-ли самой ѣхать?

— Почему же, отвѣчалъ Коля; — онъ человѣкъ съ доброй душой, какъ я могъ замѣтить;—притомъ же остался въ восхищеніи отъ твоей игры

Черезъ три часа Наташа возвратилась и объявила мужу, что она принята первоначально на тысячный годовой окладъ.—Такъ начала Наташа свое сценическое поприще на Московской сценѣ.

Прошло болѣе пяти лѣтъ, послѣ описаннаго мною, Наташа успѣла овдовѣть и перейти на высшій окладъ жалованья.

Долго оплакивала свою дорогую потерю, долго горевала по своемъ Колѣ Наташа; наконецъ рѣшилась

выдти замужъ за одного богатаго купца, имѣющаго болѣе милліона наличнаго капитала.—Чрезъ годъ времени, она потеряла и втораго мужа, оставшись наслѣдницею всего его состоянія съ трехъ-мѣсячнымъ ребенкомъ на рукахъ.

Посвятивъ себя совершенно на воспитаніе единственной дочери, Наталья Ивановна, ежегодно ѣздила въ Казань и служила панихиды по отцѣ своемъ и матери Коли.—Читатель, вѣроятно, помнитъ разговоръ сторожа кладбищенской церкви въ «Казанскихъ Захолустьяхъ».

ЧАСТЬ II.

1. Иглы въ мѣшкѣ неутаишь.

Лѣтъ тридцать пять тому назадъ, а впрочемъ, быть можетъ, и болѣе,-жилъ въ Казанской губерніи помѣщикъ, имѣвшій жену.

Такъ какъ они были бездѣтны, то и усыновили себѣ роднаго племянника, взявши его годоваго, на свое попеченіе.—Не лишнимъ считаю познакомить читающую публику съ этими лицами.

Въ одномъ изъ уѣздовъ Казанской губерніи, стоялъ барскій домъ, окруженный прекраснымъ садомъ.—Хотя онъ по архитектурѣ своей и не бросался всякому въ глаза, за то никто изъ сосѣдей не проѣзжалъ его, если мимо шла дорога, съ полною увѣренностію, что найдетъ въ немъ не только радушный пріемъ хозяевъ, но и родственное расположеніе съ истинно русскимъ хлѣбосольствомъ.—Всѣ знали это,—и всѣ

жаловали въ этотъ гостепріимный пріютъ.—Иванъ Өедоровичъ Добряковъ (такъ фамилія помѣщика) былъ одинъ изъ тѣхъ лицъ, которыя хотя и попадаются въ наше время, но которыхъ, какъ говоритъ пословица, нужно искать днемъ съ огнемъ.—Служа прежде во флотѣ женившись, онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ Капитана втораго ранга, послѣ чего, поселившись въ своемъ помѣстьѣ, служилъ исправникомъ.

Анна Андреевна,—жена его, была тоже предобрая женщина.—Она готова была помочь каждому при первомъ случаѣ.—Взявъ на воспитаніе племянника своего Володю, они все свое вниманіе обратили на то, чтобы сдѣлать его человѣкомъ полезнымъ для общества, почему съ самаго ранняго дѣтства внушали ему тѣ правила, которыя необходимы каждому человѣку.—Чрезъ нѣсколько лѣтъ судьба забросила Добряковыхъ въ Олонецкую губернію, гдѣ Иванъ Өедоровичъ получилъ мѣсто первоначально тоже исправника, а въ послѣдствіи Инспектора Корабельныхъ лѣсовъ Балтійскаго Округа.

Надъ оставленнымъ имѣніемъ своимъ, находящимся въ Казанской губерніи, они поставили въ распорядители одного изъ крѣпостныхъ своихъ слугъ,—въ полной увѣренности, что онъ неупотребитъ во зло ихъ довѣренности. Не такъ вышло на дѣлѣ.—Вдали отъ господскихъ глазъ, Іосифъ Николаевичъ, (такъ звали управляющаго) позволялъ себѣ не только упот-

реблять во зло довѣренность своихъ благотворителей; но даже обижать крестьянъ страшнѣйшимъ образомъ;—а главное обманывать своего помѣщика, небывалымъ падежемъ скота, неурожаемъ и проч.

Всему вѣрили добрые господа; наконецъ Іосифъ Николаевичъ былъ уличенъ какимъ-то помѣщикомъ (сосѣдомъ), который описалъ все какъ есть Добряковымъ, совѣтуя съ своей стороны недовѣряться плуту управляющему.

Но не таковы были Добряковы: они написали управляющему выговоръ, съ полною увѣренностію, что онъ на будущее время будетъ добросовѣстнѣе и оставили его опять на мѣстѣ.

Зачерствѣлая душа Іосифа Николаевича неисправилась, а жадность къ пріобрѣтенію копѣйки заставляла его продолжать начатое.

Такъ, въ короткое время, скопивъ капиталецъ, онъ купилъ землю отъ своего-же помѣщика, выбравъ по дешевой цѣнѣ,что ни на есть лучшую?

Когда пришло время отдать въ заведеніе Володю, Иванъ Ѳедоровичъ и Анна Андреевна переѣхали изъ Олонецкой губерніи.

Иванъ Ѳедоровичъ, поддерживаемый съ одной стороны доходомъ съ имѣнія, а съ другой пенсіономъ, мирно сталъ жить въ шумной столицѣ, поселившись въ одной изъ линій обширнаго Васильевскаго Острова.

Нужно отдать справедливость теткѣ Володи, въ томъ,

то она ему не только замѣнила родную мать, но даже до такой степени любила, что всѣ знакомые удивлялись старушкѣ.—Боже мой, шептала подъ часъ Анна Андреевна, когда приближалась суббота, день роспуска кадетъ по домамъ.

Боже мой,—пустятъ-ли моего Володю, не боленъ-ли онъ? Но только являлся Володя, старушка оживала, молилась на иконы, благодарила Бога, что Онъ услышалъ ея грѣшную молитву и крѣпко прижимала къ своей груди племянника.—Такъ прошло еще два года, когда Анна Андреевна потеряла своего мужа. Грустно было бѣдной старушкѣ безъ мужа, съ которымъ жила столько времени, и она, вѣроятно, умерла-бы съ горя, если-бы не поддерживала ее любовь къ Володѣ.

Съ своей стороны и племянникъ любилъ свою ненаглядную тетку, какъ только можетъ любить добрую свою мать почтительный единственный сынъ.

Между тѣмъ, имѣніе все болѣе и болѣе разстроивалось, подъ управленіемъ благодарнаго Іосифа Николаевича, и наконецъ доведено было до того, что пришлось его продать.—Уплативъ долги, старушка осталась только съ тремя тысячами серебра, и съ надеждою, что вотъ не сего дня, такъ завтра, Володя выдетъ въ офицеры, не обращая вовсе вниманія на безцвѣтное жалованье мичмана.

Да и возможно-ли было обращать ей на что нибудь вниманіе, когда около нея сидитъ Володя

185... года неупомню, а скажу только, что въ пятидесятыхъ годахъ Володя вышелъ изъ Корпуса и переѣхалъ съ теткою въ Кронштадтъ, въ это сборное мѣсто флотскихъ офицеровъ, въ эту непобѣдимую крѣпость, въ этотъ твердый оплотъ Государства нашего со стороны моря.

На второй годъ по производствѣ въ офицеры, Володя влюбился въ одну прехорошенькую блондинку, дочь Почетнаго Гражданина, и женился на ней.

Анна Андреевна очень полюбила Александру Александровну, такъ звали жену Володи, и радовалась согласію своихъ молодыхъ.

Быстро текло время, быстро летѣли дни и часы; наконецъ Богъ даровалъ Володѣ сына, а Аннѣ Андреевнѣ внука, Колю.—Нельзя описать радости старушки, когда она въ первый разъ взяла внука на руки:

Довелъ Богъ видѣть и внучка, обливаясь слезами, шептала старушка, прижимая къ себѣ малютку. Благодарю тебя, Господи, что обрадовалъ меня, повторила она. Заплачетъ-ли маленькой, она первая вставала съ своего кресла, и опрометью бросалась къ колыбели, забывъ свои шестьдесятъ лѣтъ.

Однако недолго наслаждалась она счастливыми мѣсяцами.

Чрезъ полгода Владимiръ лишился сына, а Анна Андреевна внука, къ общему прискорбiю.

Чрезъ мѣсяцъ за внукомъ послѣдовала и добрая старушка.

Долго горевали молодые, долго плакали они;—наконенъ рѣшились уѣхать изъ Кронштадта, гдѣ они испытали столько горестей.

2. Проселки.

Любезный! обратился я къ прохожему мужичку въ тулупѣ и нахлобученной по уши шапкѣ,—гдѣ здѣсь деревня Прытки, Красная тожъ?

Прытки-то, спросилъ тулупъ?

— Да, прытки-то?

— Ну—коли Прытки-то,—такъ незнаю.

Какъ же ты берешься вести, когда незнаешь мѣстности, раздосадованный неудачей, обратился я къ своему ямщику.

Коли незнамъ, мы здѣсь всѣ дороги знамъ. Кажись, на право-ли, на лѣво-ли.—Я одначе разъ только тамъ бывывалъ,—такъ запамятовалъ, кажись такъ ѣдимъ.

Да вонъ недалечѣ парень ѣдетъ, такъ яво поспрошаемъ.

Когда мы поровнялись съ телѣгой, я окликнулъ мужичка.

Любезный незнаешь-ли, гдѣ дорога въ деревню Прытки, Красная тожъ.

Мужикъ. Прытки?

Да, Прытки.

Мужикъ. Какъ поѣдешь на право;—нѣтъ-бишь на лѣво, то тутотка кабакъ будетъ, отъ кабака-то, нето съ версту, нето съ двѣ будетъ поворотя, тамъ опять кабакъ,—какъ кабакъ-отъ проѣдешь, будетъ опять заворотъ, такъ ты поѣзжай прямо, а тамъ ужъ недалечѣ будетъ до Прытковъ-то?

Потерявъ всякое терпѣніе, я послалъ безтолковаго мужика къ чорту и велѣлъ ѣхать прямо, неповорачивая никуда.

Однако прямая дорога привела насъ къ такому болоту, что не было возможности переѣхать это топкое, дождемъ размытое мѣсто.

Дѣлать нечего, пришлось повернуть назадъ; непопадется-ли, думалъ я, кто потолковѣе, который бы могъ объяснить мнѣ и указать дорогу.

Не проѣхали мы и версты, какъ попалось намъ нѣсколько бабъ, идущихъ съ мѣшками, какъ видно по грибы, или орѣхи.

Я остановился.—Ей, тетки, обратился я къ нимъ, незнаете ли дорогу въ деревню, Прытки, Красная тожъ?—Въ Прытки не тутотка дорога, замѣтили онѣ.—Ты не въ ту сторону ѣдешь, кормилецъ.—Тебѣ надо назадъ—тамъ на поворотѣ будетъ кабакъ, отъ кабака

то какъ повернешь въ праву сторону, такъ тутъ будетъ мельница; мельницу-то какъ проѣдешь, будетъ опять кабакъ, около кабака мостъ, за мостъ-то какъ заѣдешь...

Зачѣмъ имъ мостъ переѣзжать, замѣтила другая баба, имъ лучше обогнуть мостъ-отъ. Вы, сударь, обратилась другая ко мнѣ баба, мостъ-то необгибайте, а спуститесь прямо къ кабаку, а потомъ опять на право.

Сбитый съ толку и раздосадованный до нельзя, приказалъ я ямщику ѣхать къ первому попавшемуся кабаку, расчитывая на то, что ямщики мастаки попадать на кабаки, даже ощупью.

Я не ошибся; чрезъ полчаса я согрѣвался уже въ кабакѣ, гдѣ, къ удивленію моему, мнѣ даже подали самоваръ и крендели, хотя недѣльныя, но все-таки бѣлой муки.

Напоивши меня чаемъ, словоохотливый хозяинъ, далъ мнѣ проводника до деревни Прытки, Красная тожъ, куда я и прибылъ чрезъ часъ времени.—Лай собакъ встрѣтилъ насъ у самаго плетня. Разношерстная разнохвостая ватага бѣжала за тарантасомъ, когда ѣхали мы по грязной дорогѣ. Махнетъ ямщикъ кнутомъ и лай усиливается —Ишь какъ лаятъ, проклятыя, ворчалъ возница, посматривая со злостью по сторонамъ.

Чтобъ васъ разорвало горой-то, такъ къ мордѣ пристяжной и подступаетъ, и кучеръ выхлеснулъ кну-

томъ какого-то курчаваго кобеля съ обрубленнымъ хвостомъ.—Видно, что кучеръ стегнулъ исправно, потому что кобель отсталъ и визгъ его былъ слышенъ даже за версту.

Какъ теперь, помню я этотъ мирный уголокъ, какъ теперь помню я, домики разбросанные на неровной поверхности: ѣдешь бывало вечеромъ, когда уже въ природѣ нельзя различить человѣка отъ пня,—ѣдешь бывало и поглядываешь на огоньки деревенскихъ домиковъ,—одни идутъ въ одну линію, другія по другому направленію, третьи-же вдругъ внизу подъ оврагомъ, будто въ пропасти какой,—и любуешься ими, сидя въ плетеномъ экипажѣ, казанской доморощенной работы.—Какъ бы то ни было, тарантасъ мой поворотилъ на право къ кабаку съ надписью распивочно и на выносъ;—сверху нарисованъ былъ графинъ, похожій на рѣдьку и два стакана съ бьющимся черезъ край пивомъ.—Пиво было краснаго цвѣта, съ дымчатымъ отливомъ по краямъ. Съ боковъ вывѣски, нарисованъ былъ мужикъ, похожій больше на козла, чѣмъ на человѣка и баба, похожая болѣе на тѣ бабы, которыми вколачиваютъ сваи; внизу были стихи слѣдующаго содержанія:

Другъ ты мой сердешной,
Вышелъ часъ потѣшной,
Стукни по рукамъ
Дадутъ водки намъ.

Подъ стихами красовался намалеванный калачъ, подъ калачемъ новые стихи:

Чтобъ въ свѣтѣ тебѣ, презрѣнія незрѣть;
Совѣтую тебѣ, съ полштофомъ вѣкъ сидѣть!

Подъ стихами снова былъ намалеванъ крендель и самоваръ, съ такимъ огромнымъ и вычурнымъ краномъ, что страсть,—боковыя ручки были сдѣланы такъ, какъ будто-бы самоваръ собирался идти въ присядку или откалывать трепака.

Недостаточно всего этого было для размашистой руки живописца; подъ самоваромъ были снова стихи:

О! ты! о, я!
О! милая моя!

Къ чему подкатилъ подъ самоваромъ онъ любовные стихи; ужъ это и объяснить трудно. Замѣтно было только по всему, что живописецъ былъ не изъ послѣднихъ гулякъ.

Подумаешь, на что не способенъ русскій человѣкъ? Прикажи быть слѣсаремъ, онъ будетъ слѣсаремъ; прикажи быть живописцемъ, онъ раньше мѣсяца нарисуетъ тебѣ не только мужика съ дубиной, но выведетъ даже и свинью съ поросятами. Нехристемъ только не можетъ быть русская натура. Ужъ это такъ природой устроено,—онъ невиноватъ, супротивъ при-

роды ничаво неподѣлашь, отзовется онъ и почешетъ въ затылкѣ.

Доѣхавъ до мостика извѣстной деревенской архитектуры, съ овалистой серелиной, и посаженнымъ по бокамъ кустарникомъ, мы заворотили въ какой-то переулокъ, изобилующій крапивой, хмѣлемъ необыкновенной высоты, и грязью по срединѣ.

Тутъ-то пошла потѣха у моего возницы; тутъ онъ будто только что проснулся и въ немъ зашевелилась Русская мочь.

Ну! ну! ну! ну! ну! натягивай, неистово закричалъ онъ, приподымаясь съ козелъ, и дѣлая изъ своего туловища фигуру какъ будто тоже хочетъ натягивать.

Ты, кривоглазый чортъ, обращался онъ къ лѣвой пристяжной, недѣйствуешь? Я тѣ, дьяволъ! и онъ со всего размаха ударилъ кнутомъ лѣвую пристяжную, которая, сдѣлавъ козлиный скачекъ, выпустила такой пассажъ, про который въ книгахъ не говорятъ, но который по видимому непонравился ямщику, потому что онъ надѣлилъ пристяжную новымъ ударомъ съ возгласомъ: У, сволочь ты! обратился онъ къ кореннику, трясись лихоманка, я вотъ тѣ задамъ ходу, только посматриваетъ, дьяволъ, по сторонамъ, да хлопаетъ ушами.

Послѣ сего ямщикъ обратился ко мнѣ: доржись, ваше степенство, тутъ яма. Да развѣ нельзя объѣхать? спросилъ я.

Можно-то, можно, только непошто! Даржись, проѣдемъ —И дѣйствительно проѣхали мы яму, которую ни одинъ экипажъ въ мірѣ неминовалъ-бы безъ приключеній.—Эхъ руской экипажъ,-чего неминуешь ты, когда на козлахъ сидитъ русакъ въ рукавицахъ?

Когда мы выѣхали изъ переулка, то опять наткнулись на кабакъ, гдѣ подъ звуки гармоники кто-то припѣвалъ:

Ахъ ты милая хорошая моя!
Чернобровая и проч.

Тутъ, вмѣсто вывѣски надъ дверями просто было выведено красными большими буквами: кабакъ.

А на самыхъ дверяхъ съ одной стороны былъ нарисованъ кажись что-то въ родѣ цѣловальника со шляпою въ правой рукѣ, и надписью: Пожалуйте чесныя господа,—лѣвой руки у него совсѣмъ небыло.—Забылъ ли нарисовать ее живописецъ, или почиталъ ее лишней, трудно опредѣлить.—А можетъ статься онъ и справедливо думалъ: зачѣмъ, дескать, цѣловальнику лѣвую руку, ему и одной довольно, онъ и одной выудитъ всю крестьянскую заработку.

Съ другой стороны дверей, нарисована была бутылка и надпись: русакъ пей, да умъ не пропей?

Впрочемъ послѣдняя строка была полузатерта, догадливымъ сидѣльцемъ, а быть можетъ и самимъ хозяиномъ питейнаго.

За кабакомъ открылась роща, ведущая къ дому помѣщика, который (т. е. домъ) выглядывая изъ-за зелени, какъ-то особенно бросался въ глаза Предъ домомъ былъ расположенъ садъ съ затѣйливыми бесѣдками и обсаженный по краямъ акаціею, ровно обстриженною.

За господскимъ домомъ, шли флигеля, конюшни, сараи, и проч., немного поодаль возвышались мельницы тамъ и сямъ разбросанныя.

Когда я подъѣзжалъ къ дому помѣщика, то повидимому въ немъ произошла нѣкоторая суматоха.— Лакей, выскочившій изъ лѣваго флигеля, опрометью бросился бѣжать къ господскому дому, дѣвка бѣжала ему на встрѣчу, еще выскочило человѣка два, три и какъ будто съ удивленіемъ посматривали на подъѣзжавшій тарантасъ.

Что, баринъ дома? обратился я къ человѣку съ курчавыми волосами и синякомъ подъ правымъ глазомъ — Только что встаютъ, отвѣчалъ онъ. Какъ такъ? обратился я снова —Всегда изволятъ отдыхать послѣ обѣда.—Да вѣдь теперь только два часа? Точно такъ, былъ отвѣтъ, да вѣдь они кушаютъ завсегда въ двѣнадцать часовъ.—Но вотъ появился и самъ помѣщикъ, сѣденькій старичекъ съ лысиной на головѣ.—Обнявши меня, онъ радушно пригласилъ въ комнаты.

Прежде чѣмъ познакомлю читателей съ помѣщикомъ и его семействомъ, я опишу покои, гдѣ я пользовался гостепріимствомъ.

Столовая неотличалась особенно ничѣмъ.—Столъ посрединѣ, двѣ дюжины стульевъ по бокамъ, въ простѣнкахъ два стола и на окнахъ цвѣты. Большинство цвѣтовъ состояло изъ эрани.

За то гостинная поразила меня съ перваго раза.— На стѣнахъ красовались такія картины, которыхъ я невидывалъ во всю жизнь свою.—Въ углубленіи коммматы, надъ диваномъ, висѣли портреты отцевъ и дѣдовъ хозяина, бабушекъ и пробабушекъ.—Какіе костюмы, какія прически, какія мины.—Всѣ эти лица будто срисованы были именно въ минуту или душевной невзгоды или въ минуту озлобленія.

Какой-то предокъ, со звѣздою на груди и какимъ-то небывалымъ перстнемъ на пальцѣ, глядѣлъ такъ не почеловѣчески на все,—что невольно возникалъ вопросъ,—чего онъ хотѣлъ отъ окружающаго; по лѣвую сторону, висѣла картина представляющая явленіе Колумба въ Америкѣ.

Колумбъ стоялъ съ распростертыми руками, и его окружали все какія-то женщины въ шлемахъ —въ сторонѣ на камняхъ стояли дикія племена, съ какими-то длинными копьями. Вверху летѣли три купидона и сыпали на землю, не то цвѣты, не то крапиву, не то картофель.

Еще выше шла надпись:

Мои друзья, я вижу землю.

И вся эта картина обхвачена была съ боковъ зеленью и деревьями необъятной толщины, на деревьяхъ росли какіе-то особеннаго рода фрукты,—тутъ были и такіе которые походили на дыни, такіе которые походили и на рѣпу.—Однимъ словомъ породы фруктовъ были насажены все небывалыя, невиданныя глазами человѣка.

Около этой картины висѣлъ Багратіонъ съ такой огромной пушкой, что казался передъ ней какой-то мухой. Затѣмъ слѣдовалъ какой-то пейзажъ.—Нарисованы были слоны, тигры, леопарды, похожіе весьма на простыхъ котовъ. Медвѣди, лисицы и въ заключеніе русскій мужикъ съ палкой и баранъ неестественной величины.—Что хотѣлъ изобразить этимъ скопищемъ живописецъ, разсуждать не намъ.—Хотѣлъ-ли онъ изобразить въ лицѣ мужичка,—повелителя всѣхъ звѣрей или что другое, понять трудно.

На противоположной стѣнѣ было представлено какое-то сраженіе.—Корабли наши не только оказались невредимыми среди непріятельскихъ бомбъ и ядръ, но даже матросы, стоявшіе на реяхъ, махали руками, когда, обхваченныя пламенемъ, непріятельскія суда гибли въ волнахъ моря

Внизу была подпись:

Вѣнецъ побѣдителю.

Какое это было сраженіе и кто таковъ былъ побѣдитель, догадаться трудно,—только видно было, что Русскіе одержали побѣду, но подъ чьимъ начальствомъ неизвѣстно.—Около нея висѣло свиданіе влюбленныхъ которые, пойманные, въ расплохъ какой-то злой старухой, преуморительно улыбались, посматривая другъ на друга.

Всѣ вышесказанныя картины были покрыты лакомъ, въ позолоченныхъ рамкахъ и отзывались стариною.

Въ кабинетѣ у хозяина, на первомъ планѣ, стоялъ корабль, сдѣланный изъ дерева.—По работѣ замѣтно было, что мастеръ немного тѣшился, воспроизводя на свѣтъ свое твореніе.—Несмотря на это, хозяинъ показывалъ мнѣ этотъ корабль, какъ рѣдкость, купленную давно, лѣтъ сорокъ назадъ, по случаю, у одного помѣщика, служившаго съ-молоду во флотѣ, при Государынѣ Екатеринѣ второй.—Около корабля стоялъ бюстъ Наполеона I-го и чернильница съ двумя зайчиками.

Въ другомъ углу стоялъ станокъ.

Около станка стояла этажерка заваленная книгами — Чего, чего, тутъ небыло? И сочиненіе Державина въ коричневомъ переплетѣ и Булгарина въ желтой оболочкѣ Ледяной домъ, путешествіе Крузенштерна кругомъ свѣта, Головина. Взятіе Казани Іоанномъ Грознымъ—лежала сверху, оклеенная мраморной бумагой, съ золотыми наугольниками.

Вы любите читать? обратился я съ вопросомъ къ помѣщику.—Какъ-же, отвѣчалъ тотъ, я много читывалъ на своемъ вѣку.—Я даже, доложу вамъ, выписываю и до сихъ поръ два журнала: первой «Развлеченіе», а второй «Библіотеку для чтенія» Вотъ тоже Ледяной Домъ почти наизустъ знаю, Муромской лѣсъ тоже хорошая книга. У меня есть и по хозяйственной части много хорошихъ книгъ; напримѣръ «Авдѣевой» поварская книга.—Моя жена, доложу вамъ, хозяйка, какихъ мало —Все сама дѣлаетъ: и огурцы сама солитъ и варенья различныя, пряники, лепешки, да все, однимъ словомъ.

Да вотъ, недалеко сказать, въ послѣднее время солила она вишни, просто объяденье, а не вишни.—Всѣ сосѣди удивлялись ея мастерству. Научите, дескать, насъ, Ульяна Ивановна, какъ вы приготовляете? А моя Ульяна Ивановна и говоритъ, самоучкой-съ учитесь, сами дойдете, сами добьетесь —Вы еще молоды. Вы знаете пословицу: Вѣкъ живи, вѣкъ учись! Нескажетъ ни за что;—вѣдь она у меня шельмочка.

3. Тайны.

А что, Ульяна Ивановна, какъ я умру, будешь ты плакать обо мнѣ? спроситъ бывало старикъ, а самъ искоса поглядитъ на свою дражайшую.

Ну ужъ нѣтъ, небуду плакать, отвѣтитъ старуха, а у самой слезы заблестятъ.

Почему-же не будешь? спроситъ снова старикъ.

Потому небуду, что прежде тебя отойду.

Ну, ужъ нѣтъ, шалишь, голубушка, тебя прежде меня туда непримутъ.

А примутъ!

А непримутъ, спорилъ старикъ.

Ну такъ и тебя непримутъ, перебивала старушка.

И споръ оканчивался всегда тѣмъ, что одинъ безъ другаго умирать не должны. Такъ вмѣстѣ что ли, Улинька? приставалъ старикъ.

Конечно вмѣстѣ, отвѣчала жена.

Послѣ чего оба смѣялись.

Ахъ ты старуха, старуха! Что, если бы мнѣ эдакъ, годковъ тридцать съ плечъ долой таковъ-ли я былъ— а?

Ну да и мнѣ если тридцать долой, и я не такая была.

Ну врешь! я какъ не помню тебя ты все такая-же, какая и была. Все женщина была, женщиной и осталась.—А вотъ я былъ молодцомъ мужчиной, а теперь сдѣлался бабой.—Вотъ это такъ удивительно. Ей Богу, бабой.—Вонъ намедни играли когда въ карты, да я простаго туза-то принялъ за козырнаго, всѣ играющіе вѣдь захохотали, а Становой прямо назвалъ меня дядей бабой.—А что подѣлаешь? И впрямь баба.

Когда темной пеленой покрылись небеса и Ульяна

Ивановна вынесла въ гостинную старинный подсвѣчникъ съ разноцвѣтными стеклышками, старикъ повелъ меня въ свой кабинетъ и показалъ портретъ какого-то господина пожилыхъ лѣтъ съ сигарою въ правой рукѣ, въ дворянскомъ мундирѣ.

Изволите видѣть, батюшка, началъ онъ, указывая на портретъ, это былъ моимъ истиннымъ другомъ дѣтства и до конца своего гроба.—Это пропавшій безъ вѣсти мой родной братъ.

— Какъ такъ пропавшій безъ вѣсти? спросилъ я.

То есть не то что безъ вѣсти, продолжалъ старикъ;—а первоначально безъ вѣсти, а потомъ его отыскали убитымъ.

Все это казалось мнѣ на столько интереснымъ, что я сталъ просить старика посвятить меня въ эту тайну и разсказать исторію кончины его брата.

Извольте разскажу, отвѣчалъ добродушный старикъ и разсказалъ слѣдующее:

Было давно, когда братъ мой изъ Казани переѣхалъ въ городъ П., гдѣ, женившись на одной институткѣ, жилъ тамъ до ея кончины, которая послѣдовала чрезъ девять мѣсяцевъ послѣ свадьбы.—Жена брата моего, царство ей небесное, умерла въ родахъ, не подаривъ наслѣдникомъ или наслѣдницею моего брата.

Надо вамъ замѣтить, что братъ мой кромѣ имѣнія (небольшаго) имѣлъ еще очень хорошее мѣсто, слѣдовательно получалъ приличное содержаніе. — Мы

переписывались очень часто,—и рѣдкое письмо, посылаемое на мое имя, было безъ денегъ.—Братъ мой былъ виновникомъ, что я въ продолженіи десяти лѣтъ, накопилъ столько капитала, что пріобрѣлъ вотъ это имѣніе, которое у васъ предъ глазами, и домъ, въ которомъ вы находитесь. Письма его и по настоящее время хранятся у меня какъ святыня.—Если вамъ угодно я нѣкоторыя прочитаю вамъ, чтобы дать понятіе о характерѣ моего друга,—брата.—Да, впрочемъ, это будетъ для васъ несовсѣмъ интересно.—Лучше разскажу вамъ о его кончинѣ, которая не лишена занимательности.

Неполучая писемъ отъ брата около полугода, я рѣшился самъ ѣхать къ нему, не смотря на то, что я тяжелъ на подъемъ съ природы и былъ заваленъ дѣлами по домашнему своему обиходу.—Какъ бы то ни было, я отправился.—Пріѣхавъ въ городъ П., я былъ пораженъ извѣстіемъ, что братъ мой пропалъ безъ вѣсти и что его никакъ не могли отыскать, не смотря на тщательные розыски.

Что мнѣ оставалось дѣлать? Долго я шатался отъ одного значительнаго лица къ другому, отъ другаго къ третьему, прося помощи и совѣтовъ, что̀ дѣлать, чтобы отыскать слѣды брата.—Наконецъ случай представился.—Въ городѣ П. я случайно сошелся съ однимъ служащимъ при полиціи, человѣкомъ весьма неглупымъ и смѣтливымъ въ высшей степени,—

человѣкомъ, который при нѣкоторыхъ розыскахъ уже успѣлъ обратить на себя вниманіе начальства.

Разсказавъ ему исторію о пропажѣ моего брата, я со слезами сталъ просить его помочь моему горю.

Выслушавъ меня со вниманіемъ, онъ обѣщалъ мнѣ сдѣлать все, что́ только будетъ въ состояніи, и на другой же день, переодѣвшись въ статскую форму, отправился на квартиру, гдѣ жилъ мой покойный другъ.

Гдѣ дворникъ? спросилъ онъ, входя на большой устланный камнемъ дворъ.

Дворникъ явился.

Не тутъ-ли квартировалъ Надворный Совѣтникъ Титовъ? спросилъ онъ.

Точно такъ, былъ отвѣтъ.

Но его сударь теперь нѣтъ, онъ пропалъ безъ вѣсти, а комнаты его опечатаны и заперты полиціей.

Отлично! отвѣчалъ сыщикъ.—Я, какъ братъ его родной и наслѣдникъ, выхлопочу разрѣшеніе, чтобы мнѣ позволено было взойти въ покои и осмотрѣть его состояніе. Послѣ чего онъ спросилъ: а что любезный былъ у него человѣкъ, который ходилъ за нимъ?

Былъ-съ? отвѣчалъ дворникъ, да отшелъ и живетъ теперь въ такой-то улицѣ, въ такомъ-то домѣ.

Братъ мнѣ писалъ, продолжалъ сыщикъ, что онъ очень былъ доволенъ этимъ человѣкомъ, почему я и хочу отблагодарить его за службу и усердіе. Нельзя-ли завтра послать за нимъ, я буду утромъ въ 10

часовъ, такъ хотѣлъ-бы его видѣть. При чемъ и ты неостанешься безъ награды за безпокойство и труды.

Понимаешь?

Дворникъ отвѣсилъ ему поклонъ и мы отправились.—Все, что въ силахъ буду сдѣлать для васъ, то сдѣлаю, сказалъ онъ мнѣ дорогою, когда мы заворотили въ другую улицу.—Быть можетъ, счастье и улыбнется намъ.

Послѣ чего онъ пригласилъ меня къ себѣ.—Останьтесь ночевать у меня, а завтра съ утра за хлопоты.

Поблагодаривъ его за любезность, я остался у него ночевать.—Вечеромъ, когда мы улеглись, онъ разсказалъ мнѣ еще интересные факты, которые я вамъ сообщу послѣ братниной исторіи.

Вставши въ 6 часовъ утра, онъ отправился хлопотать объ дозволеніи снять печать съ дверей квартиры брата моего.

Въ 9 часовъ онъ возвратился.—Напившись на скоро чаю, мы отправились въ путь.

Когда мы подходили къ дому, гдѣ квартировалъ мой братъ, увидали тамъ человѣкъ пять, шесть, служащихъ при полиціи. Тутъ же около воротъ стоялъ человѣкъ служившій у брата и дворникъ.

Обласкавъ (Герасима) такъ звали человѣка брата, и сунувъ ему целковый, сыщикъ просилъ отворить покой.

Когда мы взошли во внутрь, онъ внимательно сталъ разсматривать какъ мебель, такъ и вещи.—Мнѣ казалось, что отъ его привычнаго глаза неускользнула ни одна изъ мелочей.—Осмотрѣвъ кабинетъ и спальню, мы взошли въ залу.—Комната эта, какъ видно по обстановкѣ служила, и залой и пріемною т. е. гостинною.

Мебель вся новая.—Диванъ и кресла были обиты штофомъ, бывшимъ тогда въ модѣ.—По угламъ стояли этажерки краснаго дерева. Полки этажерокъ были завалены книгами, на верху красовались бюсты какихъ-то философовъ, писателей и знаменитыхъ людей.—Посреди зала висѣла люстра.—На столѣ передъ диваномъ стояла лампа съ матовымъ колпакомъ.

Осмотрѣвъ все, и пересчитавъ кресла и стулья, сыщикъ вдругъ обратился къ Герасиму съ вопросомъ.—Любезный! давно куплена эта мебель?

Съ полгода отвѣчалъ Герасимъ.

При тебѣ?

При мнѣ, сударь-съ? былъ отвѣтъ.

Изъ магазина?

Точно такъ-съ.

Отчего-же, любезный, тутъ только одиннадцать креселъ? Вѣдь въ магазинахъ и мебельныхъ лавкахъ продаютъ или дюжинами или полудюжинами.

Герасима, какъ видно, неожидавшаго подобнаго вопроса, покоробило;—однако онъ довольно твердо отвѣ-

чалъ: это сударь дѣло барское;—мы въ этомъ дѣлѣ не причинны, наше дѣло, сударь, лакейское, что прикажутъ намъ мы то исполнять должны. Въ тѣ поры баринъ приказалъ смотрѣть за небелью, чтобы при укладкѣ и провозкѣ неизломалось что,—я то и исполнилъ въ точности.—При мнѣ уложили ее, привезли и постановили вотъ въ этотъ самый порядокъ.—А счетомъ я не считалъ-съ.

А изъ какого магазина куплена была мебель спросилъ сыщикъ, вперивъ свои глаза въ Герасима.

Тотъ смутился.—Ей Богу запамятовалъ, баринъ,—кажись въ такой-то улицѣ

Да не врешь-ли? Смотри!

Кажется, что такъ-съ, сударь отвѣчалъ онъ.

Отправимтесь въ магазинъ обратился ко мнѣ сыщикъ;—а этого голубчика посадимъ на ко́злы.

Нельзя-ли меня уволить, Ваше Высокоблагородіе, началъ было Герасимъ:—но сыщикъ такъ прикрикнулъ на него, что онъ въ туже минуту взмостился на ко́злахъ —Пошелъ! куда тебѣ покажетъ этотъ человѣкъ, крикнулъ онъ извощику.—И мы отправились.—Проѣздивъ болѣе часа и не сыскавъ магазина, мы вернулись обратно.

Что же ты, мошенникъ, обманываешь меня? обратился сыщикъ къ Герасиму, когда мы вошли въ комнаты брата. Ты думаешь этимъ отдѣлаться Ты и повѣрилъ, что я братъ этого пропавшаго безъ вѣсти гос-

подина? Такъ знай же, что я служащій при полиціи и прибылъ сюда съ намѣреніемъ во что-бы то ни стало, распутать это дѣло. Что ты виноватъ тутъ, то это ясно. Знаешь, любезный, что́ я тебѣ скажу? продолжалъ онъ: за признаніе половина вины долой, а нѣтъ, непѣняй, ты знаешь чѣмъ это пахнетъ.—Не ускользнешь, заберутъ и тебя и дворника и еще кое кого.

Ваше Высокоблагородіе, меня-то за что! началъ жалобно дворникъ. Это онъ орудовалъ, а не я, проговорился было онъ, но спохватившись замолчалъ.

Говори, каналья? приставалъ сыщикъ къ Герасиму.

Божусь Богомъ, Ваше Высокоблагородіе, стоналъ тотъ, что знать не знаю и вѣдать не вѣдаю. —Городовые, веревокъ! крикнулъ сыщикъ —Два молодца приблизились къ ухарю, чтобы вязать его.

Ваше Высокоблагородіе, упавъ на колѣна застоналъ Герасимъ, кресла тутъ, и онъ указалъ на потолокъ.

Я безъ тебя это зналъ, что на подловкѣ, отвѣчалъ догадливый сыщикъ, и всѣ пошли по направленію къ тому мѣсту, гдѣ должно было совершиться обнаруженіе убійства брата.

По розыску оказалось, что братъ мой, царство ему небесное, былъ безчеловѣчно повѣшенъ на подловкѣ, а такъ какъ потолокъ подловки былъ довольно высокъ, то и подставляли кресло для петли.—Послѣ убійства,—брата зарыли въ мусоръ и ночью вывезли со двора. —Такъ покончилъ жизнь бѣдный мой братъ, не-

сдѣлавшій, кажись, никому зла при жизни.—Это ужасно! невольно проговорилъ я!

Да, ужасно, отвѣчалъ старикъ заплакавъ.—Какова снаровка-то отыскивать и распутывать подобныя дѣла; какова смѣтка-то, продолжалъ онъ.

Да, удивительная! отвѣчалъ я.

Ну, ужъ онъ опять расплакался бѣдняга.—Оставьте этотъ разговоръ, упрашивала Ульяна Ивановна, отворяя дверь кабинета.—Небуду! Небуду, Улинька! отвѣчалъ старикъ, утирая глаза.

— Вѣдь самъ посуди, Ваничька, помогутъ-ли твои слезы, воскресятъ-ли они твоего брата. — Конечно непомогутъ, отвѣчалъ старикъ, конечно не воскресятъ, а самъ все плакалъ.

— Ваничька! а Ваничька (Ивану Николаевичу было уже подъ семьдесятъ лѣтъ)! Не хочешь-ли маринованныхъ грибковъ? вѣдь ты ихъ любилъ;—али бруснички съ яблочками? хочешь что-ли? али запеканцевъ подать? Пожалуй, хоть запеканцевъ, отвѣчалъ старикъ.

— А медовыхъ лепешекъ нехочешь? Нѣтъ, медовыхъ нехочу, Улинька, они претятъ къ ночи,—лучше запеканцевъ, да маринованныхъ грибковъ; — немѣшало-бы при этомъ и наливочки, знаешь, изъ той бутылки, у которой бокъ выгнутый.

Вскорѣ принесены были маринованные грибки, медовыя лепешки и малиновка, изъ бутыли съ выгну-

тымъ стекломъ.—Когда подали самоваръ, то появились крендели домашняго печенья, ватрушки, и какія-то витульки изъ теста.

Въ 9 часовъ подали ужинъ, а въ 10 мнѣ указали ложе, состоящее изъ двухъ перинъ и трехъ подушекъ.

— Жарко будетъ мнѣ, замѣтилъ я хозяину.

— И, батюшка, отвѣчалъ тотъ, паръ костей не ломитъ; ложитесь съ Богомъ, да и все тутъ.

— Да не рано-ли? замѣтилъ снова я. Помилуйте, ужь 10 скоро будетъ бить.—Мы только съ радости, что гостя добраго увидали, ложимся сего-дня въ 10 часовъ, а то вчера въ девять.

Дѣлать было нечего. Пожелавъ почтеннымъ старичкамъ спокойной ночи, я отправился въ свою комнату.

Раздѣвшись, долго я не могъ сомкнуть глазъ.—То представлялась моему воображенію печальная кончина брата добраго хозяина, то казалось Митрополитъ выходитъ изъ рамокъ картины и грозитъ мнѣ пальцемъ. То вмѣсто Христофора Колумба выглядываетъ какая-то страшная морда и поводитъ усами;—наконецъ заснулъ

Проснувшись въ 5 часовъ утра, я слышалъ голосъ хозяйки.—Ты, Акуля, поставь два самовара, большой и поменѣ. Незнаю что гость-то любитъ? чай, аль кофей? Ты на всякой случай поставь два,—кипятокъ-то

пригодится и воду холодную разбавить, чай небудетъ холодной-то мыться, студена больно.

Послѣ чего она стала заказывать завтракъ и обѣдъ.

Господи! подумалъ я, можно-ли такъ ѣсть, какъ ѣдятъ подобные хлѣбосолы. — Право, весь день въ ѣдѣ.—Встаютъ въ пять часовъ, въ семь пьютъ чай, въ девять завтракаютъ, потомъ пьютъ кофе, въ двѣнадцать обѣдаютъ;—полежатъ часикъ, другой, давай моченую морошку, яблоки, бруснику, макъ да разныя домашнія сласти, — смотришь ужь и шесть часовъ, пора чай пить.—Послѣ чая глядишь запеканцы на столѣ, да медовыя лепешки а тамъ и ужинъ не за горами.—И такъ проходитъ день, проходитъ мѣсяцъ, годъ и незамѣтно подходитъ старость.

Когда я вышелъ къ старикамъ, самовары уже были на столѣ.

— Чайку или кофейку? спросила меня добродушная хозяйка.

— Все равно, Ульяна Ивановна, я люблю и то и другое.

— А коли то и другое, такъ и значитъ, прежде чайку, а потомъ кофейку.—И я старикъ послѣдую вашему примѣру —А ужь сливки какія Уличка приготовила, прелесть. А вотъ и доспѣхи прямо изъ печи кушайте, батюшка, на здоровье.

Послѣ обѣда, когда старики, какъ выражаются на Руси, задавъ храпка вышли въ гостиную, я обра-

тился къ хозяину съ просьбою, разсказать мнѣ недосказанные имъ факты.—Сей-часъ отвѣчалъ старикъ, надѣньте шлафрикъ, въ немъ будетъ поудобнѣе сидѣть, а Леша набьетъ намъ по трубочкѣ, — издѣлія Жуковскаго.

Когда было все справлено, старикъ разсказалъ новую исторію, которую и передаю читателямъ.

Вотъ-съ, былъ еще случай, разсказывалъ мнѣ тотъ же сыщикъ, который отыскалъ слѣды объ убійствѣ брата.

Дѣло было давно:—кажись, въ тысяча восемь сотъ пятьдесятъ второмъ-ли, третьемъ-ли году; право неупомню хорошенько —Впрочемъ у меня гдѣ-то засписано.—Но какъ бы то ни было, дѣло было давно. Пропадаютъ въ томъ же городѣ двѣ дѣвушки.—Туда, сюда, нѣтъ какъ нѣтъ.—Вся полиція была на ногахъ, ничего не могла подѣлать, такъ гладко дѣло схоронили.—Только-съ, сударь мой, этотъ самый сыщикъ и думаетъ себѣ, дайка я возьмусь за дѣло.—Взялся! Переодѣлся въ мужицкое платье, и давай по вечерамъ рыскать изъ трактира въ трактиръ, изъ погреба въ погребъ, изъ кабака въ кабакъ.—Рыскалъ никакъ съ недѣлю,—нѣтъ ничего.—Ужъ и надежду терялъ отыскать, да и рвеніе уже охладѣвало.

Только, часу эдакъ въ одиннадцатомъ, занесла его судьба въ одинъ кабачекъ.—Глушь страшная, народу порядочно —Одни пили, другіе пѣли, третьи си-

дѣли да слушали. Выпилъ и онъ грѣшный, да и присѣлъ на скамью послушать о чемъ калякаетъ православной людъ.

Только сидитъ часъ, сидитъ другой, вдругъ вваливаютъ двое пьяныхъ мужиковъ.

— Зачѣмъ ты меня обдѣлилъ, Павлуха, кричитъ одинъ на другаго.

— Ничуть не обдѣлилъ, — столько приходилось тебѣ Микита.

— Какъ столько?

— Такъ столько

— Врешь, подлецъ.

— Нѣтъ, не вру—самъ ты подлецъ.

— Смотри выкажу;—притянутъ тебя дьявола.

— Коли притянутъ, такъ и ты пойдешь туда-же. Послѣ чего завелась сцена, чуть не на кулаки.

Сыщикъ только сидитъ, да слушаетъ. Наконецъ пьяные ушли —Ночь была темная, что называется ни зги не видать. — Сыщикъ за ними все что-то шептало ему; иди! иди! Ну и понеслись. — Видитъ голубчики остановились снова у фонаря, снова расчетъ между ними, снова ругань и угрозы, что одинъ другаго выдастъ, если на обиду пошло.

Думалъ, думалъ сыщикъ, да и притворился пьянымъ, пошелъ къ нимъ, нарочно спотыкнулся около фонаря и развалился.—Это, изволите видѣть, для того, чтобы лучше разслушать разговоръ ихъ.

Мужички посмотрѣли на него, сплюнули, одинъ изъ нихъ сказалъ: экъ какъ нахлюстался, пуще нашего;— и опять принялись за свое.

— А тотъ лежитъ все? спросила Ульяна Ивановна.

— Сыщикъ-то?

— Да!

— Лежитъ какъ есть лежитъ.

Ну-съ, наконецъ, мужички дальше какъ отошли на порядочное разстояніе, и этотъ поднялся. — Слѣдитъ, чтобы изъ виду непотерять ихъ. — Думаетъ себѣ, если того случая не открою, такъ какой нибудь да попадется.—Можетъ, другой разбой какой.

Идутъ мужики. идетъ и онъ. Вдругъ мужички исчезли словно въ землю провалились.—Что за оказія. Давай ощупывать заборы. Глядь, поглядь, маненькая калиточка, онъ туда. — Дворъ большущій, кругомъ заборы, а на дворѣ двухъ этажный каменный домъ.

Онъ къ дому, нашелъ лѣстницу, туда, на верхъ — слышитъ голоса нѣсколькихъ мужиковъ.

Надо замѣтить, сударь мой, что день былъ праздничный. Заглянулъ въ дверь-то, свѣтло такъ, крикъ, шумъ, и видитъ онъ, что сѣнныя-то двери двойныя.—Знаете, и туда и сюда отворяются.—Недумая долго, и всталъ онъ между дверями, которыя на крюч-

кѣ. (Извѣстно, что одни половинки отворяются, а другія на крючкѣ). Онъ туда-то и всталъ-съ.

— Ахъ страсти какія, заговорила Ульяна Ивановна.

— Еще-бы, мать моя.—Да вѣдь это просто храбрость, неустрашимость.

— Неправда-ли? обратился онъ ко мнѣ.

— Совершенно согласенъ, отвѣчалъ я.

— Ну онъ и туда-съ, милостивые государи.

Слышитъ разговоры, да сговоры, куда идти на грабежъ.—Гулянье-то назначено было по афишамъ въ двухъ мѣстахъ. — Ну и порѣшили, что пять человѣкъ пойдутъ въ такой-то садъ, а другіе четверо въ Паркъ.—Какъ сказано, такъ и раздѣлились.—Выпили водочки и вышли.

Какъ вышли на лѣстницу, наружныя двери-то и заперли.

— Ай страсти какія, вскликнула хозяйка, значитъ онъ взаперти и остался?

— Конечно взаперти.—Въ комнаты взойти могъ, а выйти на лѣстницу-то дудки.

— Ахъ батюшки, страсти какія!

— Какъ же не страсти, отвѣчалъ старикъ.

— Улинька? обратился старикъ къ женѣ;—ты-бы, голубушка, приготовила-бы намъ по стаканчику пун-

шику, да послала-бы кого-нибудь сюда, чтобы трубочки набили.

— А ты не разсказывай безъ меня, Ваничка, я хоть слыхала эту исторію отъ тебя, да запамятовала;—такая память плохая стала.

— Ладно, ладно, старуха моя, мы безъ тебя займемся чѣмъ-нибудь другимъ.

Пока жена пошла хлопотать на счетъ пуншу, хозяинъ пригласилъ меня на террасу, откуда видны были берега Волги, освѣщенные заходящимъ солнцемъ — Хорошъ былъ видъ. — Трудно было цѣликомъ схватить, и перенести на полотно, — этотъ неуловимый для глаза ландшафтъ.

Когда пуншъ былъ поданъ и Ульяна Ивановна усѣлась, старикъ продолжалъ:

— Ну и остался взаперти-съ; стоитъ да думаетъ: взойти-ли въ горницы-то. — А какъ тамъ есть кто-нибудь, бѣда убьютъ.—Что дѣлать? Давай-ко мяукать кошкой. Думаетъ себѣ, надоѣмъ, кто-нибудь да откликнется.—Мяукалъ, мяукалъ, не подаетъ никто голоса.—Давай-ка попробую по собачьи (надо вамъ сказать, онъ мастерски умѣетъ лаять по собачьи) пищалъ, вылъ, лаялъ, никто не откликается.—Перекрестился Петръ Ивановичъ (такъ прозвище сыщика), да и вошелъ во внутрь.— Вынулъ изъ кармана спичку, зажегъ бумажку, отыскалъ сальный огарокъ и сталъ

осматривать комнату. — Длинная пяти-саженная, на подобіе казармы, она была завалена всякимъ хламомъ. — Нары по срединѣ, разныя инструменты и станки, все свидѣтельствовало, что тутъ обитали мастеровые.

Вольтеровское кресло старинной работы, съ высокою спинкою, обратило особенное вниманіе нашего героя.

Откуда оно взялось? подумалъ онъ,—но тутъ же и рѣшилъ этотъ вопросъ.—Вѣрно, отдано или въ починку, или для обивки новымъ бархатомъ.

Это все-таки не помѣшало ему осмотрѣть его.— Отставивъ его отъ стѣны, онъ замѣтилъ маленькую полутора-аршинную дверь, куда-то ведущую. — Нажавъ ее пальцами, онъ отворилъ ее и взошелъ въ другую комнату, гдѣ, кромѣ дряни, мусора и паутины, ничего не было.—Опрокинутый тазъ онъ поднялъ и развернулъ находящіяся подъ ними два женскія платья —Можете представить его удивленіе когда, по осмотру ихъ, онъ узналъ въ нихъ тѣ самыя платья, которыя по описанію были на тѣхъ несчастныхъ дѣвушкахъ, которыя пропали безъ вѣсти.

Оба платья были забрызганы съ верху до низу кровью.—Вырѣзавъ два круглыя кровяныя кусочка, онъ спряталъ ихъ въ карманъ, а платья уложилъ точно такимъ-же образомъ, какъ было уложено подъ

тазомъ.—Отворивъ душникъ и выкуривъ папиросу (душникъ онъ отворилъ для того, чтобы не было табачнаго запаху), онъ опять всталъ на прежнее мѣсто, между дверями.

Эки страсти-то!—снова начала Ульяна Ивановна — Какъ человѣкъ-то рискуетъ иногда, помилуй Богъ!

Герой, просто герой. — Я за него каждый день Богу молюсь, отозвался хозяинъ.—Я ему въ тѣ поры, какъ искали брата, много хлопотъ надѣлалъ.—И какъ благороденъ, представьте себѣ, за трудъ отказывался брать, еле, еле, часы золотыя втеръ ему.

Ну-съ, и всталъ между дверями. — Сонъ такъ и одолѣвалъ его сердечнаго. — Вѣдь шутка-ли, цѣлый вечеръ прошляться и ночь неспать.

Стоитъ, да молится Богу, чтобы пронесъ бурю, не быть бы замѣченному.—Стоитъ часъ, стоитъ другой, вдругъ шумъ у дверей. — Входятъ нѣсколько мужиковъ, онъ и давай считать: разъ, два, три, четыре.—А эти голубчики изъ тѣхъ, которые въ Паркѣ были (потому четверо, какъ я сказалъ выше, пошли въ Паркъ, а пятеро въ садъ). Видите, смѣтка-то какая.

Да, удивительная, замѣтилъ я.

Еще-бы? отозвался старикъ.

Пришли-то всѣ подъ веселую руку и съ узелками.

Когда всѣ взошли, дверь осталась растворенною настежъ.

Не думая долго, нашъ молодецъ юркнулъ изъ подъ своей засады на лѣстницу и опрометью бросился къ калиткѣ.—Не успѣлъ еще отворить ее, какъ на встрѣчу попался еще мужикъ.

Кто такой и куда идешь? закричалъ мужикъ, схвативъ нашего героя за воротъ.

И тутъ смѣкалка неоставила Петра Ивановича. Ему сейчасъ взошло въ голову, что это не болѣе, не менѣе, какъ оставшійся пятый человѣкъ. Слѣдовательно эта кучка состояла изъ пяти человѣкъ и шла не изъ Парка а изъ сада, и потому, не робѣя, отвѣчалъ:

Посланный отъ вашихъ товарищей, которые пошли въ Паркъ на промыселъ, объявить вамъ всѣмъ, что у нихъ пожива есть.

Браво, и мы не съ пустыми руками идемъ, пойдемъ-кась выпьемъ.

Нельзя, братецъ мой, опоздаю къ тѣмъ, бѣда будетъ. Далъ слово бѣгомъ исполнить приказаніе.

Мужикъ повѣрилъ его словамъ и отпустилъ. Тотъ, конечно, сейчасъ въ первую попавшуюся часть за командою. Окружили домъ и всѣхъ мерзавцевъ переловили.

Вотъ какъ Господь-то хранитъ, замѣтила Ульяна Ивановна.

Истинно хранитъ, продолжалъ хозяинъ.

Ну какъ вы думаете, вѣдь пришлось же ему набрѣсти на убійцъ несчастныхъ дѣвушекъ. Вѣдь платья-то ихъ были.

Премудрость Божія, больше ничего, замѣтила снова Ульяна Ивановна.—Истинно, что премудрость.

На другой день. я оставилъ добрыхъ старичковъ хлѣбосоловъ и уѣхалъ въ Петербургъ.

4. Типы, какихъ мало.

Въ ямской на концѣ города, гдѣ развертывается поле, стоитъ домикъ о трехъ окнахъ. Такъ, по наружности, онъ ни чѣмъ непоразитъ васъ, за то внутренняя обстановка и обитатели удивятъ васъ до крайности.

Тамъ въ трехъ небольшихъ комнатахъ предъ вами являются четверо жильцовъ. Первый и самый главный—это хозяинъ, отставной подполковникъ; старикъ семидесяти лѣтъ, балагуръ въ высшей степени, живетъ онъ скромно въ своей боковой комнаткѣ, изрѣдка

навѣщаемой сосѣдями и жиличкой Полагеей, которая по привычкѣ ли, по особенному ли расположенію, а только всегда разсказываетъ сказки, когда подполковникъ ложится на кровать. Поговариваютъ, будто бы подполковникъ былъ когда-то неравнодушенъ къ Полагеѣ, но такъ какъ я не всякому вѣрю слуху, то и не буду утверждать, справедливы-ли эти толки или нѣтъ.

У Полагеѣ есть и сынокъ лѣтъ пяти или шести, онъ постоянно играетъ въ огородѣ, гдѣ подполковникъ собственными руками посадилъ такое множество подсолнечниковъ, что страсть.—И выгодно и хорошо поговариваеть онъ: сѣмена пойдутъ на продажу а стволы подсолнечниковъ на дрова.

Такъ какъ Полагея никогда не была замужемъ, то и трудно опредѣлить, кто подарилъ ее сыномъ Васинькой, котораго подполковникъ каждое утро самъ поитъ чаемъ и даетъ по копѣйкѣ на крендель.

Въ другой комнатѣ обитаетъ какая-то Надворная Совѣтница, получающая послѣ мужа пенсіонъ чуть-ли не по двадцати пяти рублей сереб. въ мѣсяцъ. Надворная Совѣтница Анна Ивановна Кувыркина когда-то была (по ея словамъ) очень недурна собой, чего впрочемъ нисколько не замѣтно, и имѣла кучу жениховъ.

У ней комната убрана была комфортабельнѣе, чѣмъ у прочихъ живущихъ. Диванъ, зеркало, полъдюжины

креселъ, камодъ и даже фортепіано, хотя стариннаго фасона, но все еще не выполняющій свое назначеніе.

Даже подполковникъ нерѣдко говорилъ: вы, Анна Ивановна, побогаче всѣхъ насъ, нужды нѣтъ, что я домъ имѣю, и пенсія солидная, а у меня какая мебель: кровать-то, да кисетъ съ табакомъ, съ этимъ далеко неразгуляешься. Вотъ хоть бы Богъ привелъ найдти покупщика на сѣмена, а то всѣ подсолнечники даромъ погніютъ.

Комнатку смежную съ кухнею занимала одна мѣщанка Василиса; эта личность была одна изъ тѣхъ, которыхъ Н. В. Гоголь назвалъ кувшинными рылами

Неполучивъ никакого воспитанія, Василиса нерѣдко дѣлала дерзости хозяину и Надворной Совѣтницѣ. Гадкая баба говоритъ бывало подполковникъ, такая гадкая на языкъ.

Нехорошая, подхватываетъ Совѣтница; если вы еще ее будете держать, то я непремѣнно съѣду на другую квартиру.

Подполковникъ очень хорошо зналъ, что Совѣтница несъѣдетъ съ квартиры, однако всегда уговаривалъ и упрашивалъ Совѣтницу успокоиться и небезпокоить себя подобными пустяками.

Въ четвертой комнатѣ жилъ какой-то скрипачъ, починяющій весь свой вѣкъ скрипку, и у которой всякой день что нибудь до портится

Что это у тебя, всякой день скрипка ломается, спрашаваетъ зачастую его Анна Ивановна.—Такъ-съ ничего, бывало отвѣчаетъ скрипачъ, а самъ идетъ разводить клей.

А зачѣмъ же клей-то разводишь? спрашиваетъ она.

Такъ-съ ничего, боковая дощечка проломилась опять, и такъ покончивался обыкновенно разговоръ между Совѣтницей и скрипачемъ.

У этого жильца кромѣ скрипки да сюртука на плечахъ ничего небыло.–Играя когда-то въ театральномъ оркестрѣ, онъ какъ-то напился пьянъ и до того мѣшалъ прочимъ музыкантамъ, что его вывели изъ театра и отказали отъ должности. Съ тѣхъ поръ онъ и поселился у подполковника, платя ему два рубля серебромъ въ мѣсяцъ, за квадратную комнату объ одномъ окнѣ.

Дѣло было на какой-то праздникъ. У Аннѣ Ивановнѣ были гости, какія-то дѣвицы, бравшія когда-то уроки у Совѣтницы. Надо замѣтить, что Анна Ивановна обучена была съ молоду постаринному, что называется, на мѣдныя деньги, т. е. умѣла читать, писать съ грѣхомъ пополамъ, по французски кое-что и на фортепіано. Несмотря на это, она бралась учить дѣтей, и, что еще всего смѣшнѣе, всѣмъ наукамъ (какъ она сама выражалась.)

Ну что, Катинька, занимаешься-ли, душечка? обратилась Анна Ивановнна къ одной хорошенькой блондинкѣ съ голубыми глазами.

Какъ же, Анна Ивановна, занимаюсь, я уже изъ исторіи до Петра Великаго дошла. Съ будущей недѣли буду учить войну съ Карломъ двѣнадцатымъ.

А ты, Машенька, занимаешься? обратилась къ другой дѣвушкѣ лѣтъ одиннадцати.

Какъ же, Анна Ивановна, занимаюсь, я изъ исторіи учу Бориса Годунова, а изъ географіи острова выучила

А на фортепіано незабыла?

Незабыла, отвѣчала Маша.

А прочти что нибудь по французски, вотъ хоть на примѣръ басню Езопа.

И начинаетъ бывало читать ломанымъ языкомъ дѣвушка, ученица Анны Ивановны.

А позвольте спросить, Анна Ивановна, выступаетъ бывало подполковникъ. Дозвольте спросить, какой городъ красивѣе: Петербургъ или Москва?

Петербургъ, отвѣчаеть подполковница, и уже сама задаетъ вопросы ветерану.

Какъ это вы дослужились до подполковничьяго чи- и незнаете, что Петербургъ красивѣе Москвы? Ну а скажите-ка, сколько частей свѣта?

Да двѣ, кажись, отвѣчаетъ старикъ.

Какія это? улыбаясь спрашиваетъ Совѣтница.

Чай, Россія, да заграничная сторона, отвѣчаетъ уморительный подполковникъ.

Ахъ вы старосвѣтскій помѣщикъ и этого-то незнаете.—Ахъ вы неучъ, неучъ! Знайте же, что частей Свѣта пять: Европа, Азія, Африка, Америка, Австралія. Выучите это къ завтраму, непремѣнно выучите. И учитъ бывало потѣшный старикъ заданный урокъ, и считаетъ подполковникъ Анну Ивановну, чуть ли не профессоршей по всѣмъ отраслямъ.

А позвольте спросить, Анна Ивановна, гдѣ конецъ Свѣта? Напримѣръ ѣдешь все прямо на кораблѣ, гдѣ же край-то Свѣта? Вѣдь гдѣ нибудь есть же конецъ-то? И подведетъ бывало Анна Ивановна старика къ картѣ пяти частей Свѣта и начинаетъ объяснять, да и спутается сама. А позвольте спросить, какимъ это образомъ желѣзные корабли нетонутъ? Вотъ я слышалъ, будто Англичане сколотили желѣзный корабль въ версту длины. Какимъ это образомъ онн держится на Океанѣ?

Ужъ такая механика тамъ, отвѣчаетъ Анна Ивановна. Выконопаченъ и смазанъ хорошо и не тонетъ.

А позвольте спросить, правда-ли это, что Свѣтъ на трехъ китахъ стоитъ? пристаетъ бывало старикъ.

Это пустяки, отвѣчаетъ Анна Ивановна, такихъ китовъ нѣтъ. Китъ дѣйствительно громадная рыба, сажень по десяти бываетъ и болѣе.

А страшно, я думаю, на морѣ, Анна Ивановна? Тамъ говорятъ есть мѣста, гдѣ круглой годъ вода вертится и фонтаны брызгаютъ до облаковъ. Вѣдь вотъ подумаешь, какъ мудрено Свѣтъ созданъ.—А это въ какихъ моряхъ животныя водятся, что половина человѣка, а половина рыбы?

Ну ужъ, батюшка, замололъ опять неоколесную.— Лучше ступай-ко посмотри на самоваръ, не кипитъ-ли?

А можно, Анна Ивановна халатикъ надѣть? Знаете, въ мундирѣ какъ-то неловко возиться съ самоваромъ, еще пожалуй обольешь грѣхомъ.

Можете, только зашейте прорѣху что назади.— Видъ неблагопристоенъ; у меня дѣвушки въ гостяхъ.

И идетъ старикъ къ Полагеѣ за иголкой и зашиваетъ подполковникъ неблагопристойную прорѣху назади.

Зашивши кое-какъ, что̀ слѣдуетъ, подкладываетъ ветеранъ угольки въ самоваръ для кофе Аннѣ Ивановнѣ.

Итакъ въ то время, о которомъ идетъ рѣчь,—были у Аннѣ Ивановнѣ гости, подполковникъ сидѣлъ на первомъ планѣ около фортепіано и курилъ копѣечную сигару.

Анна Ивановна разливала кофе, дѣвушка посматривала, то на подполковника, то на суетящуюся около самовара хозяйку комнаты.

Подполковникъ. А что, скажите Анна Ивановна: далеко отъ Казани Амуръ?—

Анна Ивановна. Тысячъ десять будетъ, если не дальше.

Подполковникъ. Тамъ, говорятъ, народъ все дикій; тамъ, говорятъ, племена. Тамъ, говорятъ, эѳіопы жительствуютъ въ премножествѣ?

Тамъ и климатъ супротивъ здѣшняго особенный.— Да вотъ въ примѣръ возьмите Уральцевъ. я тамъ бывалъ, дѣвка уральская не въ примѣръ ядренѣе здѣшней; тамъ и человѣкъ супротивъ нашего не такой.— Тамъ Уралецъ саженной, а лошадь махонька премахонька, а какъ въ разумъ возьмешь и видишь, что мысль лошадь.—Бѣда тамошнія лошади.—Вотъ хоть бы примѣрно взять нашъ казанской экипажъ. вѣдь супротивъ другой какой работы не въ примѣръ лучше.—

Анна Ивановна.— Амуръ отнятъ отъ Китая, и теперь подъ нашимъ правленіемъ —Тамъ живутъ все различныя племена, только про эѳіоповъ неслышно —

Это, подполковникъ, вѣрно разсказала тебѣ про эѳіоповъ Полагея.—Она столько же знаетъ про Амуръ,

какъ и ты, она самовара-то неумѣетъ поставить какъ слѣдуетъ, такъ ужъ что толковать про Амуръ.

Подполковникъ.—Вѣдь я это такъ только къ слову спросилъ, потому знать хочется.—У кого же мнѣ и спросить, какъ не у васъ? Вы женщина умная, дѣтей сколько переучила всѣмъ наукамъ.—У васъ свѣдѣній куча —Вотъ, на примѣръ, какъ вчера-то: я вѣдь все слышалъ, какъ вы объясняли географію маленькимъ. Вѣдь, кажись, наука не особенно мудреная, а какъ вникнуть въ нее, бѣда просто.

Вѣдь все надо помнить, да въ разумѣ имѣть.—Я даже записалъ нѣсколько рѣкъ, о которыхъ вы толковали вчера —Неву записалъ, Донъ, Уралъ, Волгу даже еще, — запамятовалъ какъ его озеро-то?—...... Кажись, Байкалъ. Вѣдь вотъ я слышалъ про эвто озеро-то, одинъ солдатъ въ отпуску былъ такъ сказывалъ о Сибири-то, и про это озеро говорилъ, будто это море озеро —Ужъ такъ, говорилъ, бурливо,—страсть! говорилъ, карабли и пароходы по берегамъ раскидываетъ.—Тамъ, онъ разсказывалъ, волна плещетъ ужасно.—Какъ онъ называлъ волну-то запамятовалъ.—Полагея, а Полагея! закричалъ подполковникъ.—А Полагея! гдѣ это у меня памятная книжка-то гдѣ все прописываю? Непомнишь-ли? какъ называется волна, которая по Байкалу плещетъ? Помнишь Амурецъ-то толковалъ?—

Полагея.—Этотъ, што съ краснымъ-то ошлагомъ былъ у насъ.—

Подполковникъ.—Ну! ну! ну! помнишь про волну-то толковалъ?

Полагея.—Кажись, баргузинъ волна-то?

Подполковникъ.— Действительно баргузинъ А рыбу-то какъ зовутъ тамъ, которая на селедку-то похожа!

Полагея,— А вотъ я сейчасъ книжку подамъ —

Подполковникъ — И очки синія подай, тамъ съ подушки. — Разбирая книжку:—Отдано во...до...-во...зу четырнадцать копѣекъ.—Это не то;—(перевернувъ страницу) капусты на пять копѣекъ.—Гдѣ же у меня записано-то? А!—вотъ вотъ возлѣ капусты. —Омули! Вотъ какое названіе тамъ селедкамъ-то,—Омули! Омули! Ужъ по каковски это, непонимаю. Селедка, такъ селедка и есть, и чтожъ это за названіе Омули. Еще у меня что-то было прописано про тамошній край.—Да! вотъ еще слово юкола —Это, Анна Ивановна, тоже рыба.—Еще въ то время, какъ Амурецъ-то сидѣлъ у меня, былъ тоже чиновникъ изъ слободы, такой небольшой какъ фамилья-то его? запамятовалъ! Иминарской штоли, запамятовалъ! еще потомъ я его встрѣтилъ на пороховомъ складѣ.—Онъ тамъ всякой разъ бываетъ.

Анна Ивановна.—Зачѣмъ это вы въ складъ-то ходите?—Што васъ рыбой.штоли угощаютъ?

Подполковникъ.—Тамъ, матушка, рыба своего рода.—Тамъ, матушка Анна Ивановна, много ходятъ.

Анна Ивановна.—Да зачѣмъ же ходятъ-то?

Подполковникъ. Ахъ какія вы недогадливыя, Анна Ивановна, развѣ не знаете, что порохъ каждому необходимъ.—Мало чего небываетъ, ну вдругъ или на охоту, или кто нападетъ на васъ.—Порохъ всегда необходимъ.

Анна Ивановна.—Да вѣдь у васъ и ружья нѣтъ?

Подполковникъ.—Ахъ какія вы, развѣ ружья нельзя пріобрѣсти?—Послѣ чего подполковникъ вытащилъ изъ боковаго кармана берестовую тавлинку и сильно понюхалъ табаку —Онъ дѣлывалъ это всегда, когда оставался чѣмъ нибудь недоволенъ.—Анна Ивановна замѣтила это и прекратила разговоръ о порохѣ, думая про себя, подполковникъ мнѣ нуженъ будетъ: и самоваръ приберетъ и лучиночекъ нащепаетъ и горшечекъ велитъ Полагеѣ принести Вообще онъ необходимъ.—

Пока толковали между собой наши знакомцы, скрипачъ справился съ своей скрипкой и пустилъ ее въ ходъ —

Анна Ивановна.—Мусью! а мусью, мусью! кричала она чрезъ стѣнку.—Поди-ка сюда со скрипкой мы вдвоемъ концертъ дадимъ.—Надо повеселить миленькихъ гостей.—

Подполковникъ.—А я пойду мундиръ надѣну.—Нехорошо въ халатѣ на концертномъ вечерѣ сидѣть.—Я сей часъ одѣнусь.

Анна Ивановна (скрипачу). Ну! садись, милой мой, я начну польку, а ты скрипку настрой какъ слѣдуетъ.—Повеселимъ миленькихъ гостей.—

Подполковникъ (взойдя одѣтый). А вотъ и я въ полной формѣ, хоть въ плясъ пуститься такъ въ пору. Эхъ въ молодости-то чего небывало?—бывало подхватимъ эдакую чернобровенькую, да и пойдемъ экосесъ или краковякъ выплясывать.—Особено какъ первый разъ надѣты были эполеты.— И старикъ тряхнулъ плечами, какъ будто чувствовалъ тяжесть эполетъ.—

Концертъ начался.—Анна Ивановна превзошла себя: такъ громко стучала по клавишамъ, что скрипачъ сбивался неразъ съ толку и бралъ неправильныя ноты.—

Подполковникъ тоже разошелся и, забывъ свои года, сталъ выдѣлывать уморительные прыжки—подъ конецъ запѣлъ: кума шелъ. кума хрестъ, кума дальше

отъ комода, кума чашку разшибешь; но подвернувшаяся не кстати кошка испортила все дѣло. Подполковникъ, наступивъ нечаянно на лапу, всею своею тяжестію грохнулся объ полъ, при чемъ стародавнія шаровары, не выдержавъ натяжки, сильно разорвались самымъ некартиннымъ образомъ. у скрипача же съ испугу опять что-то отскочило, что и было поводомъ къ прекращенію музыкальнаго вечера.—

Анна Ивановна.—Поскорѣй къ Полагеѣ, пусть зашьетъ, поскорѣе къ Полагеѣ.–Ахъ срамникъ эдакой, поскорѣй къ Полагеѣ.

Музыкантъ.—А я пойду починять скрипку, нельзяли у васъ взять кипяточку, клейку развести.—

Когда стало темнѣть и дѣвушки ушли, между нашими героями завязался дружелюбный разговоръ — Всѣ стали разсказывать другъ другу случаи, которые встрѣчались въ жизни.—Я вѣдь, матушка Анна Ивановна, съмолоду былъ прехорошенькій съ виду.—Теперь вѣдь мнѣ уже подъ шестьдесятъ лѣтъ.

Анна Ивановна (перебивая). Какъ подъ шестьдесятъ? Ты не дальше какъ сего дня говорилъ, что тебѣ подъ семьдесятъ лѣтъ.

Подполковникъ.—Да билъ подъ семьдесятъ. Вѣрно ваше слово, Анна Ивановна, согрѣшилъ, хотѣлъ

сбавить десяточекъ. Ну такъ, извольте видѣть, теперь мнѣ подъ семьдесятъ, а вѣдь я еще молодецъ, хоть сей часъ опять въ строевые. Отецъ меня воспитывалъ наглядно можно сказать, ариѳметику, да граматику объяснили, да и все тутъ; ну извѣстно вышелъ не особенный граматѣй, потому и спрашиваю васъ иногда кое о чемъ, потому что вы воспитанныя —Какъ минуло мнѣ 19 лѣтъ, то и отдали въ юнкера; я, сударыня моя, пятнадцать лѣтъ протянулъ лямку-то въ юнкерахъ; нѣсколько разъ экзамена невыдерживалъ.—Науки недавались. Наконецъ выдержалъ, какъ надѣлъ офицерскій-то мундиръ, такъ, вѣрьте Богу, и ногъ подъ собой нечувствовалъ.—Эхъ молодость, молодость! Потомъ въ туретчину угнали, тамъ пробылъ два съ половинню года. Получилъ чрезъ пять лѣтъ подпоручика, потомъ поручика, а сорока пяти лѣтъ произведенъ былъ въ капитаны —На пятьдесятъ третьемъ произвели въ маіоры, а чрезъ годъ и уволили въ отставочку.—Вотъ какъ дѣла-то бывали, матушка Анна Ивановна, прежнія времена-то и сравнить нельзя съ теперешнимиъ —Возмите хотя тѣже деньги,—какъ они были дороги въ старину-то,—Бывало, на гривну ассигнаціями столько рѣпы купишь, что троимъ несъѣсть, а теперь и рубль не деньги.—Вонъ вчера, Полагея полтинникъ на рынокъ взяла, много-ли накупила смотрѣть, не на что, а въ старину-то, полтинникомъ-то недѣлю живешь, ей Богу!

А н н а И в а н о в н а.—Что правда, то правда. А вы чай помните нашествіе французовъ-то?

П о д п о л к о в н и к ъ.—Какъ же, матушка, непомнить? Я и Банапарта-то видалъ. Помню, какъ и двунадесять языкъ въ г. Москву взошли. Я въ тѣ поры ужъ довольно взрослымъ мальчишкой былъ.

А н н а И в а н о в н а.—Господи! сколько тогда народу легло? Мой отецъ разсказывалъ покойникъ, что такое побоище было, что ужасти. Нѣсколько дней земля стонала.

П о д п о л к о в н и к ъ.—Истинно такъ-съ, совершенная правда-съ. А скажите, пожалуйста, какъ теперь помню, какъ-то съ молоду я читалъ одну книжку, гдѣ говорилось, что душа человѣческая переселяется во звѣрей и птицъ? Я думаю, вѣдь это вздоръ все

А н н а И в а н о в н а —Опять замололъ подполковникъ.—Ну что это такое? что мы за фигуры такія, чтобы въ птицъ превращались? Вы, вѣрно, читали какую нибудь сказку.

П о д п о л к о в н и к ъ.—Очень можетъ быть, Анна Ивановна,—что и сказка, утверждать немогу.

Прошло болѣе мѣсяца, послѣ этого разговора.—На день празднованія Святыхъ мучениковъ Павсикахія и Вахтисія именно въ день рожденія подполковника, были гости.—Полагея съ утра стряпала въ три руки.—

Ахъ, батюшка, ворчала она, сажая въ печь пирогъ, дай Богъ, чтобы управиться поскорѣе; того и гляди, гости нагрянутъ, да и самъ-то отъ обѣдни вернется, того и гляди нагрянутъ.

Мусью, а мусью! кричала Полагея скрипачу, сдѣлай такое одолженіе, помоги расколоть вотъ это полѣнцо, а я пока самоваръ поставлю.—Да какъ бы пирогъ-то неподгорѣлъ.—Совсѣмъ умаялась.—Брысь ты проклятая! обращалась она въ заключеніе къ кошкѣ, увивавшейся около стола, гдѣ красовалась курица, языкъ и печенка. Брысь ты ненасытная! чтобы подавиться тебѣ.—А ты чего еще, обращалась она къ Васинькѣ, выглядывавшему чрезъ руку. Вѣдь я тебѣ дала косточьку, ну и будетъ покуда, а придетъ баринъ, пирогъ будемъ ѣсть.—Надо быть умненькому, небезпокоить мать.

Вася.—Мама! а мама! когда тятя придетъ, то дастъ копѣечку?

Полагея.—Дастъ, если небудешь дурачиться.

Вася.—А подсолнечникъ можно сломать?

Полагея.—Зачѣмъ ломать, вотъ я тебѣ такъ достану сѣмянъ, а ломать нехорошо

Между тѣмъ пришелъ и подполковникъ отъ обѣдни.

Съ днемъ рожденія имѣю честь проздравить, обратилась къ нему Полагея, и поцѣловавъ украдкой въ лобъ героя, пожала ему руку.

Анна Ивановна.—Позвольте проздравить васъ съ днемъ рожденія и пожелать всего хорошаго.—Желаю еще нажить домъ, каменный трехъ-этажный и кучу денегъ.

Подполковникъ. — Покорнѣйше благодарю, Анна Ивановна. Позвольте поцѣловать ручку вашу, за столь лестное желаніе (цѣлуетъ ей обѣ руки) вотъ такъ, ей да молодецъ я,—да право, если подзавить виски, да подфабрить, я и того, будто сорокалѣтній. Неправда ли, Анна Ивановна?

Анна Ивановна.—Да гдѣ волосы-то, коли всѣ вылѣзли. И на вискахъ-то пять, шесть, да и обчелся.

Въ это самое время, въ комнату вошелъ какой-то плѣшивый маленькаго роста человѣкъ съ пряжкою на груди и медалью за минувшую компанію.

Александръ Петровичъ Ерофеевъ, такъ звали вошедшаго, когда-то служилъ въ военной службѣ, но по какому-то случаю отставленъ и проживалъ въ Казанской губерніи, гдѣ у него было около шестидесяти десятинъ земли.

Познакомившись съ подполковникомъ, на имянинахъ одного знакомаго чиновника, Ерофеевъ хаживалъ къ нему, въ торжественные праздники въ имянины и проч. дни. Подкравшись тихонько сзади подполковника, онъ закричалъ: Ваше Высоблагородіе, имѣю

честь проздравить съ днемъ вашего Ангела и пожелать генеральскаго чина съ пятью звѣздами и Георгіевской лентой. Испуганный подполковникъ ошалѣлъ, но чрезъ минуту опомнившись душилъ своего друга, въ своихъ крѣпкихъ объятіяхъ, приговаривая: напугалъ, мошенникъ, такъ я вотъ же тебѣ задамъ ходу.

Ай батюшка, кричалъ Ерофеевъ, ай батюшка, задушитъ.

Анна Ивановна. Что это вы дѣти развозились, не передъ дождемъ-ли?

Полагея. Какой-то мужикъ васъ спрашиваетъ тамъ, пришелъ, кажись, тоже съ проздравленіемъ.

Подполковникъ (мужику). Ахъ это ты Степушка? Взойди сюда, садись, вотъ сей часъ водочки подадутъ. Извините, господа, что я его посадилъ сюда;—Степушка доброй души, онъ дворникомъ чрезъ два дома, знаете, гдѣ флигель строится, такъ всегда щепочекъ даетъ мнѣ.

Намеднись такихъ полѣньевъ наклалъ въ телѣжку, что чудо, на двѣ топки хватило.—Ты мнѣ эдакъ вечеркомъ удружи еще.

Анна Ивановна (тихо). Я не люблю подобныхъ компаній, и потому приду въ вашу комнату, когда уйдетъ этотъ мужикъ.—Когда мужикъ ушелъ и пирогъ

былъ поданъ, подполковникъ торжественно предложилъ Аннѣ Ивановнѣ руку и подвелъ ее къ столу.

Кушайте, родные мои, началъ онъ, отрѣзывая себѣ кусокъ пирога и наливая рюмку водки —За здоровье тѣхъ, которые незабыли дня моего рожденія.

Також де и обратно, проговорилъ Ерофеевъ, набивая себѣ ротъ курицей.—Ахъ славный пирогъ, пропищалъ онъ, набивая снова ротъ свой. Гдѣ же Полагея-то Семеновна,—стряпуха-то гдѣ?—Ну нечего сказать, мастерица своего дѣла. Вальяжный пирожекъ, такъ и таетъ во рту Когда взошла Полагея съ Васей, то и имъ позволено было присоединиться къ общему столу. Вечеромъ явилась еще какая-то женщина въ разноцвѣтномъ чепцѣ и отставной чиновникъ изъ полиціи.

Ну что новаго въ полиціи у васъ? спросилъ пришедшаго.

Въ полиціи-то? Да тамъ, батюшка, что шагъ, то новость.

Нужно самому посидѣть, чтобы понять эту службу.— Вотъ неугодно ли заглянуть къ намъ утромъ и узнаете, на сколько спокойна наша должность.

5. Сцены въ полиціи.

Перенесемтесь на нѣсколько часовъ въ полицію и посмотримте на приходящихъ туда личностей.

Баба въ шугаѣ. Ваше благородіе, вотъ здѣсь гдѣ-то живетъ Федоровъ, въ какой части не могу сказать, а только въ закладѣ простынь пять, наволочекъ три, юбка крахмаленая, корнолинъ.

Надзиратель (перебивая). Да дѣло-то въ чемъ?

абавъ шугаѣ Дѣло-то ни въ чемъ, а только простынь пять, ваше благородіе, наволочекъ три, всѣ какъ есть съ иголочки новесенькія...

Надзиратель (перебивая). Да что ты тарантишь-то, говори дѣльно, зачѣмъ пришла сюда?

Баба въ шугаѣ. Я-то, ваше благородіе?

Надзиратель. Да! ты-то?

Баба въ шугаѣ. Я-то пришла узнать, гдѣ проживаетъ Федоровъ?

Надзиратель. Да гдѣ онъ прежде-то жилъ?

Баба въ шугаѣ. А чортъ его знаетъ, ваше благородіе, я женщина неграмотная.—Сдѣлайте Божескую милость, прикажите притащить его, подлеца.

Надзиратель. Да откуда-же я тебѣ возьму его, если ты сама незнаешь, гдѣ онъ жилъ.

Баба въ шугаѣ. Какъ покойникъ-то царство ему небесное былъ живъ, то шлялся ежедневно, ваше благородіе...

Надзиратель. Знаешь что, ступай-ка вонъ, видно съ тобой не сговоришь, милая?

Баба въ шугаѣ. Это за хлѣбъ-то и за соль, ваше благородіе.

Надзиратель. Да что ты ко мнѣ пристала-то, вѣдь я у тебя блиновъ не ѣлъ.

Баба въ шугаѣ. Да онъ-то ѣлъ, ваше благородіе, это все едино единственно, ваше благородіе, бывало какъ покойникъ-то былъ живъ.

Надзиратель (городовому). Выведи ее вонъ.

Баба въ шугаѣ. Ну дай Богъ здоровья вамъ, ваше благородіе, я же осталась въ винѣ...

Мужикъ Ваше благородіе, мнѣ нанесли побои и вырвали клокъ бороды, вотъ тутъ при прошеніи, извольте посмотрѣть?

Надзиратель. Какъ! тебѣ бороду вырвали?

Мужикъ. Почти всю, какъ есть цѣликомъ, ваше благородіе..

Надзиратель. Давай сюда ее.

Мужикъ. Извольте, ваше благородіе, вотъ прошеніе, а вотъ и борода въ кувертѣ. Незатеряйте, ваше благородіе, пусть по высшему начальству идетъ.

Надзиратель. Хорошо, ступай. тебя вызовутъ.

Мужикъ. Больше ничего, ваше, благородіе?

Надзиратель. Ничего! тебя вызовутъ

Мужикъ (помолчавъ). Слушаю! покорно благодарю.—Идетъ къ дверямъ и возвращается —А борода-то какъ же, ваше благородіе?

Надзиратель. Какая борода? Вѣдь борода здѣсь остается при прошеніи.

Мужикъ. Точно такъ, ваше благородіе, пусть остается и идетъ по высшему начальству, я не поступлюсь.—Прощенья просимъ, ваше благородіе. (Уходитъ).

Нѣмецъ. Ваше благородіе! Вшерашняй день, меня биль зольдатъ, я несла въ садъ коробка съ ракомъ, а зальдатъ бивалъ меня.

Надзиратель. Какая это коробка съ ракомъ?

Нѣмецъ. Эдоки маленька коробка, красна, синя, и разни рака.

Надзиратель. А это вѣрно съ раковинами?

Нѣмецъ. Тошно тамъ, ваше бляродіе, съ раковинъ.

Мѣщанинъ. Ваше благородіе, позвольте узнать, гдѣ живетъ кума моя Василиса?.

Надзиратель. Это что еще? какая Василиса?

Мѣщанинъ. Кума моя, ваше благородіе.

Надзиратель. Да фамилія-то ее какъ?

Мѣщанинъ. Запамятовалъ, ваше благородіе.

Надзиратель. Пошелъ вонъ!

Мѣщанинъ. А кума-то какъ-же, неушто не сыщется.?

Надзиратель. Вонъ пошелъ, безтолочь!

Мѣщанинъ. Пойду на толкунъ, можетъ тамъ встрѣтится.

Городовой (встаскиваетъ какую-то личность; обращаясь къ надзирателю). Ваше благородіе! вотъ этотъ полость укралъ съ саней.

Кафтанъ. Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, невороваль никакой полости.

Городовой. Какъ неворовалъ, вѣдь тебя поличной съ полостью представилъ.

Кафтанъ. Эвто точно, что они меня предоставили, а только никакой полости незнаю.

Надзиратель. Да вѣдь полость у тебя нашли?.

Кафтанъ. Можетъ, кто подбросилъ, ваше благородіе.

Городовой. Да вотъ и свидѣтели есть, ваше благородіе.

Свидѣтели. Точно такъ, ваше благородіе, у него нашли.

Кафтанъ. Извольте видѣть, ваше благородіе! мы примѣрно шли.

Надзиратель. Отправить его въ часть и арестовать до моего пріѣзда.

Кафтанъ. Занапрасно, ваше благородіе. Извольте видѣть, мы примѣрно шли.

Надзиратель. Отправить его!

Баба (съ синякомъ). Ваше благородіе! меня мужъ убилъ.

Надзиратель. Тебя мужъ убилъ?

Баба (съ синякомъ). Точно такъ ваше благородіе, такъ навалился, чуть душа на вышла, ослободите, ваше благородіе.

Надзиратель. Что мужъ-то твой пьетъ?

Баба. Горькую, ваше благородіе.

Надзиратель. За что онъ тебя бьетъ-то?

Баба. За эвту за самую,—за горькую-то ваше благородіе.

Надзиратель Непонимаю

Баба. Чаво не понимать-то? Онъ, дьяволъ, настоитъ полыни-то, поставитъ подъ кровать, а я въ отсутствіе-то и выпью, онъ за полынь-то и бьетъ. А силища-то непомѣрная, ваше благородіе, такъ прихватилъ, ваше благородіе, чуть не до живота, ослободите.

Надзиратель (городовому). Проводи ее къ мужу, и скажи, чтобъ несмѣлъ драться; (бабѣ) ступай!

Баба (съ синякомъ). Дай Богъ вамъ здоровья, ваше благородіе, такъ прихватилъ въ послѣдній разъ, ваше благородіе, чуть не до живота.

Надзиратель. Ну да ужъ ступай! Небудетъ драться больше.

Дворникъ Ваше благородіе! отставной титулярный совѣтникъ Егоровъ порѣшился.

Надзиратель. Умеръ что-ли?

Дворникъ. Точно такъ, ваше благородіе, какъ есть порѣшился.

Надзиратель. Какимъ манеромъ?

Дворникъ. На карачкахъ, ваше благородіе.

Надзиратель. Гдѣ?

Дворникъ. Въ кабакѣ, ваше благородіе.

Надзиратель. Отчего онъ умеръ?

Дворникъ. Отъ пенсіона, ребята сказываютъ.

Надзиратель. Какъ отъ пенсіона?

Дворникъ. Точно такъ, ваше благородіе, получилъ покойникъ пенсіонъ, пропилъ, и порѣшился, ваше благородіе.

Надзиратель. Кто его хоронить-то будетъ?

Дворникъ. Неможимъ знать, ваше благородіе. У него никого нѣтъ, какъ перстъ, ваше благородіе.

Надзиратель. Ну, ступай! старика кварталъ похоронитъ.

Дворникъ. Покорно благодаримъ, ваше благородіе, (со слезами) ишь подумаешь жизнь-то... чело-

вѣческая... чиновникъ съ пряжкой, порѣшился отъ пенсіона.

Надзиратель. Ну, да ужъ ладно, ступай!

Дворникъ (уходя). Охъ грѣхи, грѣхи, отъ пенсіона порѣшиться.

Мастеровой. Ваше благородіе! позвольте заночевать въ фарталѣ, выгнали съ фатеры.

Надзиратель. Какимъ манеромъ?

Мастеровой. Кулаками въ шею, ваше благородіе.

Надзиратель. Вѣрно, что нибудь напроказничалъ.

Мастеровой. Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, ни въ какомъ художествѣ не находились

Надзиратель. По глазамъ видно, что плутъ.

Мастеровой. Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, (приближаясь къ надзирателю) позвольте доложить секретъ, вашему благородію.

Надзиратель. Говори!

Мастеровой. Изволите видѣть, ваше благородіе, насъ семеро живутъ,—я уголъ нанимаю, всѣ пьяницы.

Надзиратель. А ты?

Мастеровой. Никакъ нѣтъ, ваше благородіе. Ни въ жисть!

Надзиратель. А не хочешь-ли въ Часть?

Мастеровой. Сдѣлайте милость, ваше благородіе, не вперева сидѣть-то! Сиживали-съ! А только на счетъ пьянства, ни въ жисть, ваше благородіе.

Надзиратель (перебивая). Городовой! Отведи его въ Часть!

Мастеровой. Покорнѣйше благодаримъ, ваше благородіе, хоть заночевать будетъ гдѣ, а только ...

Надзиратель. Отвести его!

Мастеровой (городовому). Нѣтъ-ли табачку, служба? курить хочется.

Двѣ бабы входятъ вмѣстѣ.

1-я баба Ваше благородіе! Акулина избила, а ей ной-то эфлеторъ.

2-я баба (перебивая). Неправда, ваше благородіе, ей ной-то ундеръ, што-бъ ему ни дна, ни покрышки ..

1- баба. Чаво ты врешь то? сволочь эвдакая.—

2-я баба (перебивая). Сама ты сволочь гниль, съ своимъ любезнымъ-то!

Надзиратель. Да не кричите, пожалуйста, объясните, зачѣмъ сюда-то пришли?

1-я баба. Чтобъ къ ней эфлеторъ не шлялся я непоступлюсь.

2-я баба. А чтобъ къ ней ундеръ не ходилъ. Натрескается и буянитъ.

1-я баба. Ахъ ты дрянь эвдакая, прости Господи.

2-я баба. Сама ты гниль саратовская! вотъ что.

1-я баба. А скажи-ка его благородію-то, кто крышку-то съ кофейника укралъ?

2-я баба. А подушку-то не твой укралъ?

1-я баба. А крышку-то?

2-я баба. А подушку-то?

1-я баба. Сволочь!

2-я баба. Сама ты сволочь!

Надзиритель. Убирайтесь вы вонъ, вотъ что!

1-я баба. Ну-такъ къ высшей дистанціи надо?

2-я баба.—А ты думаешь, я не дойду на высшую дистанцію!

ЧАСТЬ III.

---

1. Ссора.

Оставимте теперь кварталы, и посмотримте, что дѣлается у героевъ нашей повѣсти.—Анна Ивановна сидитъ за фортепіано и играетъ опять польку. Скрипачъ починилъ свой инструментъ, подполковникъ, осадивъ изрядную порцію живительной влаги, притопываетъ и подсвистываетъ.—Ерофѣевъ пытался было что-то проплясать, но отягченный виномъ не могъ встать на ноги, чиновникъ изъ полиціи сталъ плакать о судьбѣ своей.—Сирота я, голосилъ онъ,—нѣтъ у меня ни отца, ни матери.—Живу какъ бобыль на бѣломъ свѣтѣ.—Хоть бы жениться на комъ нибудь, покрайней мѣрѣ, потомство-бы осталось.— Хоть бы фамилію

поддержать, а то умрешь и никто небудетъ знать, что и жилъ на свѣтѣ Хапинъ.

Подполковникъ. Неплачь, дружище, вотъ попросимъ Анну Ивановну, сыщетъ тебѣ невѣсту,—залихватскую сыщетъ, въ корнолинѣ какъ есть и ученую, эдакую, расфуфыриную.—

Полагея, напившись, пошла очищать подсолнечники. Нехоху, дескать, безъ работы сидѣть.—Я женщина трудолюбивая.—Завтра буду продавать зерна, вотъ что.—

Одно маленькое, повидиму, ничтожное обстоятельство навсегда разрушило мирныя отношенія подполковника и Анны Ивановны. Это было втораго Августа Анна Ивановна, по обыкновенію, получа пенсіонъ, приходила домой и отдавала подполковнику за квартиру деньги. Такъ случилось и въ описываемое время: закупивъ себѣ сахару, чаю и еще чего-то, Анна Ивановна явилась въ комнату подполковника.

— Здравствуйте, подполковникъ, начала она, — я вамъ принесла за квартиру денегъ.—Распишитесь въ книжкѣ, что вы получили ихъ сполна.

Подполковникъ, надѣвъ очки и сосчитавъ деньги, росписался въ полученіи.—Позвольте, Анна Ивановна,

поцѣловать ручки, сказалъ онъ по обыкновенію и успѣлъ уже облобызать одну, какъ въ комнату ввалился стекольщикъ и объявилъ, что рамы нѣсколько поотсырѣли и что нужно ихъ поисправить, а также разбитыя стекла замѣнить новыми.

— Кто же ихъ перебилъ? спросилъ жалобно подполковникъ.

— Сами лопнули, отъ сырости, отвѣчалъ хладнокровно стекольщикъ.

— А сколько разбитыхъ?

— Одиннадцать штукъ. — По тридцати копѣекъ возьму.

Дѣлать нечего, пришлось подполковнику заплатить за стекла три рубля тридцать копѣекъ серебромъ.

Прошло три дня, новая бѣда посѣтила старика: у него развалилась плита, которая тоже обошлась не дешево.

Деньги, которыя онъ получилъ отъ квартирантовъ, пришлось всѣ почти истратить.

— Добрая Анна Ивановна, ссудите меня пожалуйста десятью рублями серебра

Анна Ивановна. То есть вамъ тридцать пять рублей надо?

Надо замѣтить, что Анна Ивановна считала всегда на ассигнаціи

Подполковникъ. Точно такъ, Анна Ивановна, тридцать пять рублей, одолжите, если можно.

Анна Ивановна. Хорошо, дамъ, только съ условіемъ, выплатить въ продолженіи мѣсяца.

Подполковникъ согласился и получилъ деньги, а Анна Ивановна взяла съ него росписку въ тридцать пять рублей.

Когда мѣсяцъ прошелъ, Анна Ивановна стала требовать деньги съ подполковника.

— Вотъ подождите, получу за квартиры, отдамъ.

— Вѣдь, съ васъ, за мѣсяцъ четыре слѣдуетъ, ну вы мнѣ не платите, остальныя шесть, какъ получу съ жильцовъ, возвращу вамъ. — Какъ шесть? спросила Анна Ивановна, вѣдь вы у меня заняли тридцать пять рублей!

Подполковникъ. На ассигнаціи тридцать пять, а на серебро десять рублей.

Анна Ивановна. Да кто теперь на ассигнаціи считаетъ, у васъ и въ роспискѣ не обозначено, что серебромъ взяли, или на ассигнаціи.

Подполковникъ. Да вѣдь вы Бога-то боитесь или нѣтъ, вѣдь вы помните, я думаю, сколько вы дали мнѣ?

Анна Ивановна. И, батюшка! память у меня плохая, я вѣрю только роспискѣ, которую вы, соб-

ственноручно подписавши, дали мнѣ, что состоите мнѣ должнымъ тридцать пять рублей, а не десять. Да притомъ теперь на ассигнаціи никто не считаетъ.

Подполковникъ. Да вы, позвольте вамъ сказать, первыя считаете всегда на ассигнаціи.

Анна Ивановна. Пустяки, пустяки, я на ассигнаціи и не считала никогда, теперь не тѣ времена.—Это на ассигнаціи считаете только вы, да ваша ненаглядная Полагея.

Слово ненаглядная вывело окончательно изъ себя старика. Какъ вы смѣете оскорблять личность мою? закричалъ онъ, личность участвующую въ трехъ сраженіяхъ, имѣющую пряжку за тридцати-пяти-лѣтнюю службу.—Не отдамъ я вамъ денегъ, вотъ и все тутъ! убирайтесь съ квартиры долой, а иначе я вьюшки всѣ отберу и рамъ не велю вставлять зимнихъ.

Анна Ивановна. Я сей-часъ подамъ на васъ жалобу въ полицію,—во первыхъ, что дерзки, а во вторыхъ, что не платите денегъ по роспискѣ. — Я васъ проучу, старый грѣховодникъ. Да какъ вы смѣли кричать на меня?

— Вы забыли, кто я?

Подполковникъ трусливый отъ природы уже хотѣлъ было замолчать, какъ на помощь ему подоспѣла Полагея, выскочившая изъ кухни.

Полагея. Ахъ ты Надворная Совѣтница, да какое же ты имѣешь право затрогивать честныхъ людей, которые тебѣ ничего не сдѣлали? Да ты знаешь-ли, что я прежде тебя пойду въ полицію-то: — да при всѣхъ такъ тебя раскассирую, что во всю жизнь не забудешь —Гдѣ совѣсть-то у тебя? Вѣдь я свидѣтельницей была, какъ ты деньги-то давала. — Какъ же ты вмѣсто красненькой-то хочешь тридцать пять целковичьковъ слупить.

Анна Ивановна, сбитая съ позиціи, на которой было укрѣпилась и огорошенная градомъ дерзостей со стороны Полагеи, замолчала и ушла въ свою комнату.

Чрезъ недѣлю, три воза съ вещами Анны Ивановны, будто погребальная процессія, медленно подвигались, оставляя за собой Ямскую. Прощай веселье, думала Анна Ивановна, идя за вещами. Прощай и пляска и подсолнечники. Все прощай!—И къ какому нелегкому угораздило меня завести ссору.—Нѣтъ ничего хуже, какъ переѣзжать съ квартиры на квартиру.

Долго послѣ того не видались они между собою; наконецъ судьба свела ихъ на черномъ озерѣ.—Подполковникъ уже хотѣлъ было подойти къ Аннѣ Ива-

новнѣ, и по обыкновенію попросить ручку и спросить: гдѣ колокольня Ивана Великаго, въ Петербургѣ или въ Москвѣ; но вспомнивъ ссору изъ-за красненькой отвернулся и пошелъ по другой аллеи. — Анна Ивановна съ своей стороны тоже хотѣла подойти къ подполковнику и спросить, не забылъ ли онъ, сколько частей свѣта; но тоже вспомнивъ въ свою очередь ссору, отвернулась и прошла мимо. — И такимъ-то образомъ поссорились навсегда подполковникъ и Анна Ивановна.

2. Лица, какихъ много.

Въ Адмиралтейской слободѣ, въ одномъ домикѣ, жили двѣ старухи.—Одна изъ нихъ, а именно, Марья Ивановна имѣла по сосѣдству домикъ о трехъ окнахъ, а у Агафьи Ивановны дома не было, за-то была коровка, да еще какая, бѣлая съ искрами. — Всѣ сосѣди знали, чья эта коровка и всѣ завидовали Агафьи Ивановнѣ

Познакомлю поближе читателей съ этими почтенными старушками.

Если вы хотите занять денегъ, жениться или получить мѣстечко, обратитесь къ Марьѣ Ивановнѣ.

Если вы желаете знать, какой завтра праздникъ, гдѣ будетъ вечерня или что дѣлается на небесахъ, обратитесь къ Агафьи Ивановнѣ.

Марья Ивановна и Агафья Ивановна никогда небыли за мужемъ, хотя и поговаривали злые языки, будто онѣ обѣ были съ молоду неравнодушны не одному человѣку; — но это, могу завѣрить, что пустяки.

Какъ бы то ни было, Марья Ивановна и Агафья Ивановна были, какъ говорятъ, очень дружны межъ собой, искони вѣковъ.

Марья Ивановна была небольшаго роста и сутуловата. Агафья Ивановна была, напротивъ, выше обыкновеннаго роста и немного подслѣповата.—Какъ Марья Ивановна, такъ и Агафья Ивановна носили зеленыя очки и держали у себя по двѣ кошки. — У Марьи Ивановны были рыженькія, а у Агафьи Ивановны бѣленькія съ маленькими пятнышками.

Не хватитъ силъ перечислить все достоинство этихъ почтенныхъ лицъ.

У Марьи Ивановны талантъ своего рода, у Агафьи Ивановны своего. У обоихъ мимика была развита до совершенства.

Напримѣръ, Марья Ивановна, положимъ, поругалась съ вами или положимъ съ самой Агафьей Ивановной и на эту бѣду привалитъ гость, отъ котораго непремѣнно надо скрыть эту ссору,—будьте увѣрены, все скроется.—Марья Ивановна выйдетъ съ такимъ ангельскимъ лицемъ, что приведетъ васъ въ восхищенье.—На лицѣ прочтете такую доброту, что недопустите и помыслить, что либо противное.—Распорядиться-ли чѣмъ на свадьбѣ, похоронахъ, съѣздить-ли къ доктору, помирить-ли кого, хватайтесь за Марью Ивановну. Она такъ хитро настроитъ и разстроитъ человѣка, что ничѣмъ не поможете въ послѣдствіи.—Да чего тутъ лѣтъ пять назадъ былъ случай, что мужъ поссорился съ женой и уѣхалъ куда-то.—А нужно вамъ замѣтить, что Марья Ивановна особенно какъ-то не возлюбила этого человѣка.—По пріѣздѣ его къ женѣ,—онъ увидалъ такую перемѣну въ своей дражайшей половинѣ, что такъ и ахнулъ.—Онъ къ женѣ, а жена отъ него, онъ и туда и сюда, ничего не подѣлаешь, а Марья Ивановна только посматриваетъ да улыбается.—А сама думаетъ, что, братъ, много взялъ;—я, братъ, хитрѣе тебя-то, нужды нѣтъ, что женщина. — Я такъ дѣло поведу, что заварю кашу какую угодно, а сама въ сторонѣ;—и люди-то не будутъ ничего знать.—Надъ тѣми же будутъ хохотать, кто меня послушалъ. — А какъ меня непослушать, коли у меня хитрости нивѣсть сколько?

Агафья Ивановна страхъ какъ любитъ ходить по кладбищамъ и бывать на похоронахъ.—Это ея самое любимое занятіе. Въ хозяйственномъ отношеніи, она тоже имѣетъ преимущество предъ Марьей Ивановной.—Во всей губерніи, кажется, ни у кого нѣтъ такихъ огурцовъ, какъ у Марьи Ивановны.—И никто неиспечетъ такихъ лепешекъ, какъ Марья Ивановна.—Мало того, что и вкусно будетъ и съ припекой, но и красиво.—Сплетничать она не любитъ, но такъ посидѣть и потолковать, очень пріятно съ Марьей Ивановной.

Марья Ивановна немножко шепеляетъ;—что впрочемъ очень идетъ къ ея личности. Агафья же Ивановна вовсе не шепеляетъ, за то у ней нѣтъ тѣхъ личностей въ выраженіи, какъ у Марьи Ивановны.—Вонъ одинъ какой-то господинъ въ очкахъ завѣрялъ будто лѣтній театръ превратятъ въ зимній и что ужъ смѣта составлена, сколько пойдетъ войлоковъ на обивку стѣнъ театра.—Что же узнаю, ничего небывало, никакой смѣты небыло, да никто и не думалъ о подобномъ проэктѣ. — Тоже на счетъ зимняго театра, одна торговка изъ слободы говорила, что, къ новому году, этотъ театръ отстроится ничуть небывало. — Положимъ, что матеріалъ дѣйствительно готовъ и лежитъ возлѣ зданія;—но известка подмыта дождемъ и неслышно не только въ театрѣ и даже возлѣ него никакой работы.

Вотъ недѣлю назадъ одна разсказывала, что въ циркѣ будетъ блистательнѣйшее представленіе, гдѣ будетъ двѣсти пятьдесятъ лошадей и чуть-ли не пять сотъ волтижеровъ, а на дѣлѣ оказалось, что было только семь лошадей и шесть человѣкъ выдѣлывающихъ штуки съ грѣхомъ пополамъ. Да и самыхъ-то зрителей было весьма мало. — Мѣсяцъ тому назадъ, узнаю, что Марья Ивановна укатила въ Петербургъ.— Эта новость такъ поразила меня, что я, вмѣсто того чтобы идти на проломную, — Богъ знаетъ какими судьбами, зашелъ въ старо-горшечную, и разъ пять сталкивался съ проходящими.—А въ самой горшечной, наступилъ на ногу какому-то значительному лицу. Значительное лицо, конечно, не могъ незамѣтить мнѣ, что я неостороженъ, и что надо знать, кому наступать на ноги.—Но виноватъ-ли я, если получилъ предъ этимъ такое странное извѣстіе.—Да еще что въ добавокъ? говорятъ, она и уѣхала-то не одна, а съ какимъ-то отставнымъ военнымъ

Бѣгу узнавать, чтобы убѣдиться лично въ справедливости сказаннаго, и что же? О Боже! Ну можно-ли послѣ этого вѣрить людямъ. Можно-ли послѣ этого полагаться на кого нибудь?

Достопочтенная героиня наша уѣхала дѣйствительно изъ Казани, но только не въ Петербургъ, а на

Богомолье прежде въ Свіяжскъ, гдѣ она имѣетъ одну знакомую старушку, а потомъ въ Раифскую пустынь.—Но чего, подумаешь, небываетъ на свѣтѣ.—Прошло пять лѣтъ, и какая перемѣна! Марья Ивановна поселилась навсегда въ какой-то дальній монастырь, а всѣми уважаемая Агафья Ивановна, переѣзжая Волгу, на общей лодкѣ, утонула.—Когда ее вытащили изъ воды, она уже была мертва; но улыбка не оставила ея лица до послѣдней минуты. Что-то особенно сладкое было написано на лицѣ ея.—Будто, она хотѣла что сообщить интересное.

Страшно мнѣ хотѣлось еще разъ посмотрѣть на Марью Ивановну, но, чтобы узнать, въ какомъ тихомъ уединеніи скрывается она, надо было ѣхать въ Свіяжскъ, къ знакомой ей Богомольной старушкѣ.

Погода была чудная, когда я ѣхалъ на извощикѣ къ Свіяжскому перевозу.—На Воскресенской улицѣ было много гуляющихъ.—Около фотографіи три мужика, да какой-то мастеровой разсматривали въ сотый разъ фотографическія карточки.—На толчкѣ разнощики и кулаки шныряли взадъ и впередъ, высматривая нельзя-ли чего пріобрѣсти повыгоднѣе или спурить погнилѣе.

Старые сапоги да брюки. шарфы да тесемки, пироги подозрительнаго вида, да бабы съ пельменями.—

Все это такъ пошло, грязно, а между тѣмъ народу неперечесть; шумъ, крикъ, говоръ, смѣхъ, все сливается въ какой-то неопредѣленный гулъ. — Около толчка груды винограда, дынь, арбузовъ. По проломной: лавки да трактиры, кабаки да погреба съ услужливыми цѣловальниками, тамъ подальше булакъ, съ чистою прозрачною водою, отъ которой пахнетъ на версту гнилью и которою снабжается чуть-ли не половина города.—Далѣе Владимірская улица, съ домами казарменнаго вида, еще далѣе дамба.—Какъ-то особенно дышешь легко, когда выѣзжаешь на дамбу. Вотъ вдали виднѣется бѣлая будка съ живущими въ ней солдатами.—Памятникъ освѣщенный солнцемъ и лентой извивающаяся Казанка.—Мужички толпятся на набережной рѣчки: одни пилятъ, другіе перевозятъ дрова съ мѣста на мѣсто, третьи почесываются да поглядываютъ мутно на окружающее.

Еще дальше слобода съ миніатюрными домиками и кумушками всѣхъ сортовъ, еще далѣе устье. — Пароходы да биржи, лодки да подчалки, а на берегу, стройно будто шеринга солдатъ, стоятъ трактиры — Куда ни повернешься, вездѣ музыка, да тѣ эстампы, безъ которыхъ не любитъ пьянствовать русскій человѣкъ. На берегу суета, кто идетъ съ воблой, кто съ печенкой, кто тащитъ медяки въ рукавицѣ да выщитываетъ въ умѣ, сколько оставилъ въ кабакѣ грошей,

извощики, будто коршуны, толпятся, ожидая прихода пароходовъ.

3. Разговоръ на перевозѣ.

Эхъ Волга! волга! у какого русака не зашевелится на душѣ при видѣ твоей зеркальной поверхности? Все какъ роскошно, привольно, широко.

Когда я подошелъ къ Свіяжскому перевозу, пассажировъ еще было очень мало. — Какой-то чиновникъ, въ ожиданіи сѣдоковъ, сидѣлъ на бревнѣ да уплеталъ горловину; да еще два мужика, какъ видно изъ рыбаковъ, жителей Свіяжска.

— Степка, почему раковъ мало было въ эвтомъ году?

Степанъ. И рыбой-то похвастать нельзя, супротивъ прежняго, всю пароходы разогнали. Гдѣ-гдѣ попадется.—Просто хоть плачь.

Иванъ. Намеднись, Иванъ Спиридонычъ, осетра ладнаго добылъ.

Степанъ. А сяводня, на ночевье выѣдешь?

Иванъ Надоть будетъ выѣхать.

Степанъ Вонъ, яцо подъѣхали, можетъ, скоро соберутся. — Считаетъ пассажировъ: разъ, два, три, четыре, пять, да насъ двое; итого семеро. — Мало яцо.—Вѣдь, они дьяволы, меньше пятнадцати не повезутъ (обращаясь къ лодочнику).—Эй, почтенный! скоро повезете?

Лодочникъ. Не набралось еще.

Степанъ. А сколько будетъ народу?

Лодочникъ. Съ двадцать насадить надо.

Степанъ. Двадцат много, любезный.

Лодочникъ. И по тридцати сажаемъ, какъ придется.

Степанъ. Затопить штоли хошь?

Лодочникъ. Почто затопить.

Степанъ. Да какъ-же? коли тридцат напустишь.

Лодочникъ Какой, чудной, право. Нешто впервые возимъ?

Степанъ. Вотъ яцо прибыло, таперь, значитъ, десять, да вонъ яцо двѣ мамзели бредутъ.

Лодочникъ. Деньги впередъ! скоро отчалимъ. (Беретъ деньги съ сѣдоковъ.)

Дама. Скоро отвалите?

Лодочникъ. Скоро, только еще подойдутъ.

Дама. Да вѣдь ужъ двѣнадцать есть.

Лодочникъ. Вы садитесь! Будьте безъ сумленья.—Не впервые перевозимъ.

Татаринъ. Свіяжска тута?

Лодочникъ. Въ греблю хошь? безъ денегъ свеземъ.

Татаринъ. Ладно, давай! гребля буду.

Лодочникъ. Ну, садись.

Татаринъ. Жди маленько, товарища идетъ.

Лодочникъ. А товарищъ тоже въ греблю?

Татаринъ. Ладно, кажи!

Вскорѣ пришелъ и другой татаринъ, влача за собою какой-то мѣшокъ.

Степанъ. Скоро-ли поѣдемъ-то?

Лодочникъ. Вишь, вѣдь, собираемъ.

Степанъ. Да вѣдь народъ есть ужъ.

Лодочникъ. Еще подойдутъ двое и отправимся.—Послѣ чего лодочникъ заоралъ. — Митька! а Митька! завороти парусину-то! Неладно направленъ.

Наконецъ, набралось двадцат человѣкъ, а Лодочникъ все поджидаетъ кого-то.

Степанъ. Чаво-жъ ты?

Лодочникъ. Вонъ идутъ.

Степанъ. Дери-тѣ горой-то! Доколѣ-жъ будешь насаживать-то?

Лодочникъ. Неушто ты слѣпой, братецъ мой? Вѣдь видишь, что идутъ.

Пассажиры съ лодки. Куда же ты насаживаешь-то? Вѣдь и мѣста нѣтъ.

Лодочникъ. Сдвинуться можно! Мы на эвтихъ самыхъ лодкахъ по тридцати человѣкъ перевозили.

Чиновникъ. Я выйду, если еще хоть одного посадишь. Ужъ это изъ рукъ вонъ. Потопить что- ли хочешь?

Женщины. И мы выйдемъ.—

Лодочникъ. Сидите, не посажу болѣ, только вотъ схожу за Лексѣемъ, онъ очередной. Обведи парусину-то, Мотька,—готовься отчалить, закричалъ лодочникъ съ намѣреніемъ успокоить сѣдоковъ. Правило-то поправь.

Чиновникъ. Что-же, отвалишь или нѣтъ?

Л о д о ч н и к ъ.—Сей-часъ, только Лексѣй придетъ изъ кабака, онъ очередной!

Наконецъ лодка отвалила, парусъ подняли, и отдались всѣ на произволъ чудной Волги.

Снимайте шапки, робята! скамандовалъ кормчій, крѣститесь, Господи благослови!

Всѣ перекрестились, и устремили глаза свои на отдалявшійся берегъ. Еще лучше, еще привлекательнѣе сдѣлался видъ, когда мы дошли до средины Волги.

Услонъ съ своими гостинницами и домиками, какъ бы приклѣенными къ скалѣ, грозно возвышался надъ ровной поверхностью рѣки.

Устье съ оставленными баржами, конторами и пароходами, и съ развѣвающимися тамъ и сямъ флагами. Наконецъ эта чудная восхитительная даль, обставленная съ одной стороны высокими горами, отражающимися въ водѣ.

Между тѣмъ какъ лодка, подгоняемая попутнымъ вѣтеркомъ, шла къ Свіяжску, между пассажирами происходилъ слѣдующій разговоръ:

М ѣ щ а н и н ъ.—Вѣдь вотъ подумаешь, планида-то Господня! Сколько въ ней видно премудростей: и солнце-то, и небеса-то, и вода-то? Хоть берегъ взять

въ разумъ, вѣдь какъ посмотрѣть, то дѣйстительно берегъ берегомъ и останется; а какъ только въ разумъ возьмешь и видишь очами, что это не берегъ, а премудрость Божія.

Кафтанъ. — Вездѣ премудрость!

А то какже, продолжалъ мѣщанинъ.—Возьми хоть напримѣръ лодку;—конечно она дѣло рукъ человѣческихъ,—а вѣдь все отъ Бога.—Вонъ, сказываютъ, въ Питерѣ на воздухъ вздымаются, безъ крыльевъ, какіе-то пузыри подѣланы.—Теперь возьми чугунку,—безъ лошадей бѣжитъ, пароходы безъ паруса двигаются.—Нешто это не премудрость Божія.

Баба.—Энто, я думаю, не отъ Божества.—Энто все нѣмцы дѣйствуютъ.

Мѣщанинъ.—Ты дура баба молчи, тебя неспрашиваютъ.

Баба.—Неушто ужъ я и сужденія не могу имѣть.

Мѣщанинъ.—Твой разумъ долженъ вертѣться около печей, ухватовъ, да горшковъ.

Баба —Оставь безобразіе-то, здѣсь публично мѣсто, обсудятъ стороной.

Мѣщанинъ.—Отстанешь ты, аль нѣтъ?

Баба.—Опять за старое.

Мѣщанинъ.—Что я тѣ сказывалъ въ послѣднiй разъ у тещи-то? Забыла видно?

Баба.—Чаво сказывать-то, оставь, Христа ради.

Мѣщанинъ.—Нѣтъ, видно, словами тебя неуймешь.—Чисто на чисто мать! Така же ехидная, така-же дьяволъ, окаянная!

Между тѣмъ въ носовой части лодки затянули пѣсню.—Какъ да не бѣлы...снѣги...въ полѣ про-о-о-ле-га-ли! И разносилась пѣсня на далекое пространство.—Всѣ смолкли и прислушались къ отголоскамъ русской, изъ сердца вытекшей пѣсни. Хороша сама по себѣ пѣсня, когда поется русскимъ простолюдиномъ, въ ней видна и печаль и радость, въ ней проглядываетъ и мочь русака и раздолье.—Все въ ней есть въ этой русской, сложенной вѣками, пѣсни.

ОКОНЧАНIЕ.

ОТЖИВШIЙ

Проѣзжая въ послѣднiй разъ чрезъ Чебоксары, я какъ-то столкнулся, у одного моего знакомаго, съ дьячкомъ старожиломъ, старикомъ лѣтъ семидесяти.

Во время чая, онъ разсказалъ мнѣ одну исторію, слышанную имъ отъ дѣда своего, жившаго вѣкъ свой тоже въ Чебоксарахъ и знавшаго хорошо Пугачева, во время стоянки его въ нашей губерніи около этого города.

Было страшное время, когда Пугачевъ посѣтилъ нашу губернію началъ онъ. Чего-чего нетворилъ онъ, на матушкѣ Волгѣ. И теперь живы, эти страшные подкопы, и лазейки. Вотъ не угодно ли взглянуть на это каменное строеніе, что на горѣ, въ которомъ теперь помѣщается училище?

Подъ этимъ зданіемъ и теперь есть подкопъ, то есть карридоръ подъ землею.—Начинается онъ у этого зданія и выходитъ эво куда; на ту сторону Волги.—Ей Богу, правда, увѣрялъ старикъ, расправляя руками свою сѣдую рѣденькую бороду.—Вѣдь подумаешь, сколько труда было устроить эдакую штуку.—Вѣдь тутъ Волга-то не въ полверсты шириной.—Надо же было эвдаку машину устроить.—Знаешь, почтенный? обратился онъ ко мнѣ, у меня была бабка, собой бѣлолицая такая, просто какъ княжна.—Ну извѣстно дѣло, аль по ндраву пришла ему негодяю, аль просто понѣжить свою широкую натуру захотѣлъ,—намъ неизвѣстно, а только онъ, значитъ, и увлекся

ею, какъ говорилъ мой дѣдъ, царство ему небесное, и велѣлъ ее доподлинно привести, значитъ.

Ну извѣстно дѣло, сила солому ломитъ.—Привели! Онъ ее и такъ и сякъ. Ну, конечно, дѣло бабье, испужалась. Ну съ тѣхъ поръ и пошла, значитъ. — А дѣло неслыханно было; а что противъ няво станешь дѣлать? коли смѣлъ противъ матушки царицы замышлять.—И жила моя бабка, царство ей небесное, безъ мала полгода съ нимъ.—Ну извѣстно дѣло, какъ яво злодѣя схватили, тѣмъ дѣло и покончили.—Ей, конечно, ничаво не было, потому противу всякой воли была.

А зачѣмъ же эти подкопы дѣлалъ онъ? обратился я къ дьячку.

Обыкновенно для чаво, отвѣчалъ тотъ, для пущей осторожности.—Если, къ примѣру, яво на эвтой сторонѣ, значитъ, въ Чебоксарахъ, застанутъ въ расплохъ, ну, на ту сторону выйдетъ невредимо. Ишь вѣдь каку сноровку имѣлъ, а коли тутъ застанутъ, то я, братцы, весь городъ сожгу, коли небудете отстаивать.—Что хошь, то и дѣлай тутъ. Или къ нему подъ ножъ иди, али подъ законъ —Что хочешь тутъ, то и дѣлай.

Ты, старина, окромѣ Чебоксаръ нигдѣ не былъ? спросилъ я дьячка во время чая.

Нигдѣ, былъ отвѣтъ.

И не скучно здѣсь?

Здѣсь-то? что ты, батюшка, съ ума спятилъ што-ли? Да меня отсель воротомъ не выворотишь.—Здѣсь супротивъ другихъ городовъ, что нинаесть лучше.—Здѣсь звонъ одинъ—прельщенье. Ей Богу!—Ты посмотри, батюшка, на Волгу, видъ-то чего одинъ стоитъ. Вѣдь это только дуракъ не залюбуется.—Ну и дешевизна здѣсь тоже супротивъ другихъ городовъ необыкновенная.—Собранье есть, трактировъ сколько.—Ярмарка живетъ. Да чаво тебѣ, къ намъ даже Преосвященный назначенъ.—Вотъ какъ, ей Богу, Преосвященный.

Да и на господъ посмотри батюшка, все люди образованные, великатные, они по вечерамъ прогуливаются въ саду и разговоры ведутъ; вотъ тутъ и можно знакомство завести съ ними.—Купечество у насъ пребогатѣйшее. Живетъ и невидно, а въ сундукахъ благодать почиваетъ.

Что, въ семинаріяхъ теперь болѣе порядка противъ прежнихъ временъ? спросилъ я старика.

Хуже, во сто кратъ хуже.

Почему-же это?

А потому, что не сѣкутъ теперь.—А бывало въ наши времена, и праваго и виноватаго такъ отстегаютъ-то, что мѣсяцъ ходишь будто на ходуляхъ. За то порядокъ былъ. Вотъ у меня, изволишь видѣть, шрамъ на головѣ. Это, батюшка мой, ректоръ мнѣ аспидной доской проломилъ.

Что же, ему было что за это?

Ректору-то?

Да, ректору.

Фу ты, Господи, изъ-за меня ректору-то?

Ну, конечно.

Изъ-за мальчишки-то, молокососа, поросенка? — Что вы, батюшка, не только ничего не было, да еще когда я пожаловался отцу, такъ онъ меня плеткой вздулъ.—Крутой у меня отецъ былъ, бывало потачьки не дастъ. За блиномъ прежде старшихъ руки не протянешь.

Вотъ тридцать девять лѣтъ, какъ онъ въ землѣ, а все чту его на память.—Крѣпкой былъ старикъ, три бы вѣка прожилъ, да самъ виновенъ въ своей смерти.

Что, развѣ сильно запивалъ, спросилъ я?

Запивать-то что? Это плевое дѣло.—Умеръ-то онъ, батюшка, не отъ водки, а отъ того, что упалъ съ палатей.

А ты дѣдушка, вѣришь, что есть на свѣтѣ вѣдьмы?

Какъ же родимый не вѣрить-то, коли самъ видалъ своими глазами домоваго.—Да вотъ я тѣ что скажу, не знаю только, какъ величать-то твою милость. Здѣсь на горнѣ проживаетъ, изволишь видѣть, купецъ, скупецъ страшнѣйшій, а богатство несмѣтное.—Многіе говорятъ, будто ему все клады даются.—А вѣдь куда копить-то. Самому за восемьдесятъ лѣтъ, и никого родныхъ.—У него живутъ все какія-то бабы. Откуда онъ ихъ набралъ, право незнаю.—Поживетъ одна съ годъ, уйдетъ, другая явится на ея мѣсто. — Да вѣдь ихъ не то что одна, али двѣ, а цѣлый десятокъ почитай. — И все таки старухи, ни одной молодой. Вѣдьмы ли они, нѣтъ ли, ужъ не могу тебѣ сказать, батюшка, а что онъ колдунъ, я это знаю достовѣрно.

— Какъ же такъ, ты узналъ это? спросилъ я старика.

Какъ, какимъ манеромъ? и денегъ кучу имѣетъ, и бабъ цѣлый дворъ и когда идетъ по улицѣ, примѣрно, самъ съ собою разговариваетъ и отвѣчаетъ самъ себѣ, а брови-то, брови-то, ужасти!—густыя прегустыя и какъ есть надъ глазами висятъ.

— По ночамъ, говорятъ, встаетъ за-частую и считаетъ деньги,—перекладываетъ ихъ изъ одного сундука въ другой, изъ другаго въ третій, изъ третьяго въ четвертый —Какъ же не домовой, али лѣшій? — Зачѣмъ хрещеному человѣку по ночамъ капиталъ пересчитывать, не молившись, на то есть день.—Встань, умойся, лобъ перекрести, да и считай.

— Да вотъ, еще что я тѣ скажу, батюшка, онъ одного приказнаго отъ лихоманки избавилъ, такъ, какъ ты думаешь, что съ приказнымъ-то было, спился послѣ того, какъ есть спился, а человѣкъ трезвѣющій былъ, капли въ ротъ не бралъ.—Такъ развѣ это спроста? — Ну, скажи, батюшка, развѣ это спроста? развѣ это отъ Божьяго?—Молодъ батюшка ты, обратился онъ ко мнѣ, поживи-ка съ мое, такъ будешь во все вѣрить, и въ домовыхъ, и въ лѣшихъ, и въ вѣдьмы, во все будешь вѣрить.

Вотъ ты куда теперь примѣрно дорогу держишь? спросилъ онъ меня.

— Въ Казань, отвѣчалъ я.

— Ну такъ тамъ спроси опытныхъ-то, тебѣ и скажутъ.—Вѣдь и у васъ, въ Казани-то, лѣшихъ не занимать стать. А оборотней, по твоему, батюшка, тоже нѣтъ? обратился онъ снова ко мнѣ.

— По моему нѣтъ, отвѣчалъ я.

— Ну такъ вотъ неиспыталъ, значитъ.

Я молчалъ.

— А жива у тебя, дѣдушка, старуха-то? спросилъ я.

— Какъ-же батюшка, благоденствуетъ.—Просвирьнею двадцать пять годковъ была.—Какъ же, благоденствуетъ.

Ночь въ дорогѣ.

Хороша Волга лѣтомъ, когда разрѣзываютъ ее зеркальную поверхность пароходы и барки. — Хороша Волга, когда берега ея зеленѣютъ и теряются въ безконечной дали, когда несется пѣсня и эхо вторитъ этой простой, незатѣйливой, изъ души вылитой пѣсни.

Хороша Волга при восходѣ солнца, когда лучи его освѣщаютъ возвышенные берега, и низменные въ полумракѣ.—Хороша Волга при закатѣ солнца, когда оно, прощаясь съ землею, золотитъ, а мѣстами серебритъ ея гладкое, на необъятное пространство раскинутое, лоно.—Хороша Волга и ночью, когда мѣсяцъ, выглядывая изъ-за облаковъ, отражается въ ней, со звѣздами и сводомъ небеснымъ.—Хороша Волга и въ зимнюю свѣтлую ночь.—Хотя въ ней не отражаются ни небеса, ни солнце ни луна;—за-то поверхность ея освѣщенная мѣсяцемъ, усыпана безчисленнымъ множествомъ блестокъ.—Куда ни поверни глаза, вездѣ золото, серебро, яхонты, изумруды. — Вотъ вдали идетъ обозъ.—Шумъ отъ него и трескотня слышатся за версту.—Мужички идутъ около своихъ неза-

тѣйливыхъ, но на крѣпко сложенныхъ природою лошадокъ.—На возахъ снѣгъ, бороды у православныхъ сѣдыя, напудренныя тѣмъ парикмахеромъ, который, по выраженію Н. В. Гоголя, пудритъ всѣхъ безъ разбора.

Трескъ раздался, мужички крестятся и посматриваютъ по сторонамъ.—Ишь какъ морозъ ледъ то пробуетъ.—Глянь, Миколка, кака трещина вышла, замѣчаетъ мужичекъ своему товарищу, указывая рукавицей въ ту сторону, гдѣ она образовалась.

И снова тянется обозъ.

— Сколько проѣхали мы? спрашиваю я у ямщика, сѣдовласаго Павла. — Да верстъ двадцат отъѣхали, былъ отвѣтъ; а самъ только пожимается отъ холода, потряхиваетъ шапкой, да поглядываетъ на заманчивый огонекъ летящей на встрѣчу къ намъ станціи.

Въ морозную ночь, при видѣ станціи, чего не мерещится русскому человѣку.—И самоваръ-то, и теплый уголъ, и калачи, а водка, это што?—водка сама по себѣ. — Гдѣ водки нѣтъ? и гдѣ обходятся безъ нея? особенно при настоящей дешевизнѣ.—Но вотъ и станція. — Огоньки блестятъ, тамъ и сямъ лаютъ собаки, отворенныя ворота постоялаго двора, на по-

добіе пасти акулы, отворились, для поглощенія обоза со всѣми пожитками.

Слышится разговоръ хозяина и ямщика.

Хозяинъ. Што, выдержало?

Ямщикъ. Ничаво, батюшка, выдержало.

Хозяинъ. И дно ничаво?

Ямщикъ. И дно ничаво.

Хозяинъ. А передокъ ладенъ?

Ямщикъ. Ничаво, батюшка, ладенъ передокъ-то, потому глазѣлъ туда.

Хозяинъ. Значитъ, все устояло въ благополучіи?

Ямщикъ. Ничаво, батюшка, въ благополучіи, какъ слѣдоватъ быть;—только вотъ одно, Иванъ Тимофѣевичъ, мы чуть не застряли въ дорогѣ, отъ подрѣзей-то.

Хозяинъ. А што энто съ подрѣзями-то!

Ямщикъ. Ничаво съ подрѣзями-то, — только больно плохи, почитай застряли.

Хозяинъ. Нешто лопнули, аль отскочили?

Ямщикъ. Про то-то я и докладываю твоей милости, что лопнули.

Хозяинъ. Эво какъ! Знать, смѣны требуетъ.

Ямщикъ. Про то-то я и докладываю, что смѣны требуетъ.

Хозяинъ. Какъ же ты, дьяволъ, говоришь, что все въ благополучіи? Како тутъ благополучіе, коли подрѣзя смѣны требуютъ?

Ямщикъ. Нешто я виновенъ въ томъ, что требуютъ,—я эвтому не причиненъ, онѣ такъ твоимъ здвуроднымъ братомъ пущены были, изъ самаго города.

Хозяинъ. Такъ рече тебѣ, дьяволу, говорить, что все въ благополучіи.—Како тутъ чортъ благополучіе, коли подрезя смѣны требуютъ.

— Эвто дѣйствительно такъ;—отвѣчаетъ мужичекъ.

Пойду, таперича, лошадей значитъ отпрягать.

Опять въ путь, опять извилистая, блесками усыпанная дорога — Тамъ и сямъ виднѣются обозы, да проѣзжающіе.—Какой-то странникъ, съ котомкою за плечами, спрашиваетъ мужичковъ, далеко-ли до деревни, аль кабака?—Какая-то помѣщица тащится, въ тяжелой повозкѣ. — Пять тощихъ лошаденокъ, елееле кряхтя, подвигаются впередъ, останавливаясь поминутно. — Перина, да куча подушекъ внутри, на козлахъ какой-то чучело, въ допотопномъ капотѣ и калпакѣ.

Но вотъ, луна зашла за облака, мракомъ покрылось все.—Все исчезло: и горы и деревни и лѣса — Исчезли обозы, пропала и помѣщица съ своими подушками и чучелой на козлахъ. — Только и видна была дорога и то на небольшое разстояніе.

Когда я подъѣзжалъ къ Казани, какъ-то особенно отрадно было на душѣ у меня, при видѣ родныхъ полей и знакомыхъ мѣстъ День былъ чудный.—Ни одно облачко не помрачало ясности голубаго неба. Пароходы стоявшіе во льду, Услонъ съ своими обрывистыми берегами, а вдали множество куполовъ церквей развернувшейся предъ нами Казани. Попавшіеся на встрѣчу татары кричали отставшимъ отъ нихъ товарищамъ: Кильмонда! Кильмонда! а вдали русскіе

мужички, толпившіеся около кабака, посматривали по сторонамъ, переминаясь съ ноги на ногу отъ холода.

Поднялись въ крѣпость.—Обертываюсь, таже Волга, освѣщенная солнцемъ; хороша ты, особенно, когда смотришь на тебя съ высокой мѣстности, когда видишь тебя, раскинутую и на право и на лѣво, кажется и конца тебѣ нѣтъ, какъ нѣтъ и конца премудрости Создателя.

КОНЕЦЪ.

ЦѢНА 1 РУБ.

